

СМЕНА

№ 21 НОЯБРЬ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ГЛУБОКАЯ РАЗВЕДКА С ПАРАШЮТАМИ - В ТЫЛ ПРОТИВНИКА

Владимир ГЛОТОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

Тяжелые составы везут руду, лес, нефть, уголь... Железнодорожники объединяют их в гигантский «маршрут пятилетки». Но спросите экономиста в любом депо, ответит: кто-то пятилетку уже выполнил и идет составы в поезде, обогнав время, а кто другой пятилетки. Интересно оказаться в поезде, который движется уже в 1971 году!

В Челябинском локомотивном депо мы попросили: «Разрешите проехать в кабине электровоза тяжеловесного состава».

Диспетчер взглянул на график: «Уходит на Златоуст бригада Евгения Разгулова... Успел!»

Мы зашлиши к электровозу. Но не только нам суждено было сегодня стать его пассажирами. Из окна кабины на нас смотрел рыжими глазами пятнадцатилетний мальчишка... Машинист взял в рейс младшего брата, восьмилетнего. Мальчишка на перепутье. Самое время не забыть о нем.

Для Игоря этот рейс стал путешествием во взрослый мир брата, который водит по Уралу тяжеловесные составы.

* * *

Станция, если приглядеться, живет в постоянном движении. Переменяются составы, поднимаются светофоры, голос диспетчера кому-то сообщает: «По восьмому пути маневровые. Осторожно!» Наша бригада включилась в это движение. Помощник Сережа, худой и высокий, — лет ему немногим больше двадцати — прошел вдоль электровоза, обмахнул лыжи, простучал смотровым молотком на длинной ручке — нет ли где трещины, фонарем осветил снизу все 28 метров стальной машины. И машинист, «наш командор», могучего телосложения, широколицый, неторопливый в движениях, осмотрел свое хозяйство, все приборы. Откинул какие-то крышки, что-то под ними проверил, оцудил.

Вдруг засветило, зашипело.

— Что это? — На мальчишеское любопытство, светившееся в глазах Игоря, легла тень беспокойства.

— Пробую тормозимши.

Но вот все осмотрено, опробовано. Наступает томительная минута ожидания. Евгений Разгулов сидит в своем кресле, справа, у двух блестящих ручек контроллера, и словно дремлет. Локалрическая линияка выглядит из нагрудного кармана. Игорю, брату его, интересно: зачем машинисту линияка?

— Что ты, математик!

— Узнаешь...

У другого окна устроился помощник Сережа. Вид у него не столь внушительный. И приборов перед ним помельше. Вдруг он говорит: «Стрелка на шаль!» Это он за двести метров разглядел, как изменилось положение стрелки. А вот и светофор позеленел. Поехали...

Совсем не так это выглядит, как из окна «скорого». Словно нехотю поглядеть шпала. А вперед — хвост другого поезда. И самая большая сейчас забота — не стал бы он. Ведь мы идем к Уралу, и рельсы уходят в горы. И если вдруг «красный» на подъеме, плохо дело. Мы затормозим и станем, а тяжелый состав на подъеме может не взять и наш мощный электровоз.

И все-таки мы стоим... Из-за поворота кроваво яркий сигнал, и руке машиниста мгновенно сработала, метнулась к тормозу. Пулеметом зстрелочник контроллер... Но вот уж Евгений олет замер, прислонился спиной к окну, к прокладке. Рука его теперь стравивает пепел сигареты на землю.

— Перезку с дремотой. Приехали...

— А как рожки твои как провержат? — спрашивает Игорь.

— Навешают датчиков, сляжут на специальный ступ и крутят... Как космонавтов.

Сережа спрыгнул на насыпь. Собирает между шпал камешки, раскладывает один за другим на рельсах. Старый паровозный способ. Дедовский. Чтоб колеса не буксовали. Теперь мы начинаем пробовать свои силы. Выходит ничто не говорит о съезде электровоза с тяжеловесным составом. Лишь

стрелка амперметра достигла цифры «700». Мы с Игорем гассириры. Мы не отдаем себе отчета, что это значит. Только замечаем, как Евгений легким движением тронул лопр.

Мы смотрим с Игорем на рычажки в кабине, кнопки. На стрелки, мнущься мимо цифр. Радия связывает нас со станциями, с поездами. «Смолкну!» Как проследовать нечетный? Голос, как правило совсем радом, отвечает: «Нечетный нормальной».

Евгений пугает Игоря, шутит: «Колеса на месте, не потеряли...» — а сам уже что-то переключает, трогает. Приборы рассказывают ему, как ведет себя машина за его спиной. Под рукой кнопки сигналов. Вот эта — «светсток», эта — «тормоз», самый громкий голос поезда. И в кабине у нас что-то жвет, то и дело попискивает. Евгений дотронулся до рычажка — укладает, но через минуту опять поддет колесо. Нам с Игорем интересно: что это такое значит? Как живое.

— А вот стоп нас будет... Чуб не зевали. Он изменение сигнала замечает, превращение скорости. Не тронешь его рукой, через несколько секунд сам включает тормоза.

— А это что — лентя под светлом?

— Это «ябедник». То есть скоростер. Все действия мои записывает, весь путь поезда.

Игорю удивительно, что машинисты зовут этот прибор «ябедником». Слушает, как брат его говорит мне: «Ябедник иногда и выпучает...»

Игорь стоит за спиной брата, тинет голову на длинной мальчишеской шее, выглядывает в путь. И Евгений все свои заботы как бы делит с ним поровну... Много в пути забот у машиниста. Светофоры, дорожные знаки, дежурный с флажком, поезд, летящий навстречу, и собственный хвост в полтора километра, который то упрямится, не хочет идти за тобой, то полкает в сторону на спуске. А над головой провод с тремя тысячами volts. Вся сила наша от него. И сумеем ли мы справиться с его энергией, применить к делу, от машиниста зависит. И, кроме этих забот, люди на пути. Мальчишки со своими делами. Женщины остановились поговорить. Старик конь идет по шпалам с ношей. Палатки у самой дороги. «Между прочим, машинисты не любят туристов...» «Почему!» «А ходят тут всякие... а потом шпалы пропадают... Но если серьезно: хроническая эта болезнь — перед поездом перебежать. Перебежит, остановится и смотрит. Чего же ты, думаю, спешить! Или идет вперед по шпалам. Дашь светом... ноль, вынимай. Тифонем его пугавь — огнемая и идет. Мол, далеко еще. А ведь, если что, поезд — это не машину остановить».

Игорь вдруг поражает нас сообщением:

— Самая нервная работа у шоферов. Потом идут журналисты...

Евгений улыбается: «Это нас, наверное, не узнал, машинистов электровозов».

Разговор у нас подходящий моменту — о профессии машиниста... Ведомо ли ему чувство страха? Ведь рассказывают всякие истории, как где-то что-то стрелка. И в диспетчерской висит на стене «приказы». Напоминают о беде, которая может заснать. Напоминают об осторожности... Вот мы сейчас на повороте. Собственный хвост, не выглядывая из окна, ввидим. «Крутой радиус кривых», объясняет Евгений. «Скорость надо сбавлять. Иначе не впишешься».

— И что? — Игорь ловит каждое слово брата. Глаза его вот-вот выскочат из орбит.

— И вылетит... Уладет, Игорьек! Но ты не дрейф. У нас отличная «система защиты». Автоматика!

— А почему, Сережа, когда встретишь, ты от окна уходишь? Боишься? А еще помочи машиниста!

И Сережа мудро обгоняет паренку, что машинисту нужнее не отставать, а умение скрупулезно выполнять все инструкции, все «приказы», все парады и заветы старых машинистов.

— Сидит там, в вагоне встрянутого, такой герой, как ты. Затравляет! А потом консервную банку — в окно! Телери ситая. Нашим смелдест и встрянный идет под сотню — сложи, получишь скорость, с какой банка врежется в насыпь

Всегозной трудовой вахтой встречает молодежь XXIV съезд КПСС. В комсомольских комитетах промышленных предприятий, строке, транспорта сегодня могут назвать имена многих молодых труженников, обогнавших время, превративших каждый предвездоносный день в день уборной работы.

Наш репортаж — о буднях одной уральской магистрали, об одном рейсе пятилетки.

стекло. Это уже будет снаряд! А был случай: с платформы бревно слетело. Два вагона упали, и электровоз помяло... Вот так.

Сергея оглядывает «встречные». Нет ли дыма? Не греется ли буфка? И точно так помощник «встречного» осматривает наш поезд. И если заметит неладное, вызовет по рации, предупредит... Вот проносится пассажирский. Но что это?... В грохоте, в воздушном потоке перед закрытой дверью висит человек! «Защипи нил, может, отстал! Сколько он висит? Ослабеют руки, и тогда несчастье!» «Машинист пассажирского! Машинист пассажирского! Висит человек в середине поезда!» — это Сергея вызывает по рации. И голос отуда, из умившегося поезда, отвечает: «Понятно! Спасибо.»

С годами у машинистов вырабатывается острое чувство солидарности. Взаимной заботы. И хотя, быть может, как никто, машинист причует себя рассчитывать лишь на свои силы, он с великим вниманием относится и к совету, пришедшему из эфры, и к паре своего помощника.

Их всего двое в пути. А когда всего двое, человек рядом становится не просто коллегой. Груз ли рассыпется, буфка ли загорится — кладет машинист «реверсивную рукоятку» в карман (с ней он никогда не расстается, как шофер с ключом зажигания), запирает электровоз, и двое людей спрыгивают на пустынную насыпь и остаются наедине со своей бедой. Идут вдоль состава, ищут, что там случилось!

Или в пути не сработает «схема». Если помощник толковый, машинист лишь взглянет на него — и тот уже по глазам понял, куда спешить, что делать. А если помощник умеет лишь протирать стекла концами, то в любой беде — машинист один. На ходу неполадку уже не исправишь — тормоза, оставившая поезд, копайся. Поэтому машинист старается найти себе смешляного парня и научить его всему, что сам знает.

— Лазись с ним кругом, готовишь. Наконец, чувствуешь: знает! Но недолго поздишь — забируют на пассажирские. Там нужнее ребята высокого класса.

Мимо нас проносились эти стремительные зеленые поезда — пассажирские. Разе два Евгений поднимал руку, приветствовал бригаду встречного. «Мои ребята», — кивал он.

И думал, наверное, что вот так, придет время, заберут у него и Сергея... По-разному люди приходят к профессии. Евгений не брал в пятнадцать лет в рейс. Но в городе Хинке, Читинской области, где он жил, дело было центром всей индустрии.

— Мы пацанами у дороги бродили. Золотниковые колеса проволокой-катанкой катали... Сам не заметил, как оказался помощником машиниста на паровозе. Потом учился, кончил техникум... У нас вся семья — железнодорожники. Вот сейчас будет станция Биргильда, там Инна, сестра, дежурит. Отца бы тоже встретили, но сегодня не его смена.

Мы подошли к Биргильде. Женский голос передает по рации: «Нечетный, потормозил!» За вами идет пассажирский! Игорь просит: «Жена! Передай ей, что я еду!» Весь он в оiene. Но что за досада — встречный товарник отгородил Биргильду. «Ни-на-а!!!»

Вот так, неверное, и становятся: один — врачом, другой — токарем, третий — машинистом.

А Сергея вполне серьезно убеждает Игорь: «Не вздумай на железную дорогу идти. Она, как первая любовь, затягивает! Все враздумки, никакого режима. А уйти захочешь, не сможешь. Все возвращаются. Я в армии цветные сны про наше дело видел. Услышу поезд, тоска заедает.»

Но непонятно: то ли отговаривает, то ли агитирует? И нельзя предвидеть результата.

А впереди Урал гобзнительно открывается глазу. И Евгений, как гитд, ведет нас по нему: «Вон Ильинский заводник на горе. Даже комаров, говорят, нельзя убивать... А тут, за поворотом, «Немое озеро», рыбы в нем нет и птицы не садятся. А это «Золотая пада». Предлагают дожить перенести, говорят: «Вы по золоту ездите». А дальше скалы пойдут, слева столб «Европа — Азия».

Но и Игорь и я уже нагледели на горы. И профессию машиниста, как нам обидно, кажется, мы, конечно, уже «почувствовали». И только одно не дает нам покоя.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

СМЕНА

№ 21 (1043)

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

НОЯБРЬ
1970

И шае обязаки: разведку ведет
отличный аэвод ВДВ, которм
командует гвардии лейтенант Геннадий
ГОЛОВ.

Фото Евгения МЕСЯЦЕВА

Репортаж в «Зоне особого внимания»
читайте на страницах 16—18.

6 ШАГИ КОМСОМОЛЬСКОГО ПРАЗДНИКА. ЮБИЛЕЙ БЕЛОРУССКОГО КОМСОМОЛА.

12 Очерк о Ленинградском ТЮЗе — лауреате премии Ленинского комсомола.

20 ЖИВОПИСЬ — специальность ЭВМ. Статья Виктора ПЕКАЛИНА.

24 БОЛЬШОЙ КОМФОРТ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ АЭРОДРОМОВ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

СОВЕТСКОЙ АРМИИ — ПОЛВКА

ОЧЕРК О БЕТОНЩИКЕ ИЗ АМУРСКА

НОВАЯ РУБРИКА «СМЕНИ» — «СИЛУЭТЫ»

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К.-И. Злозинин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулашов, А. С. Лавров, А. А. Лихачов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник О. С. Теслер

Технический редактор М. З. Шалаева

— Так зачем же все-таки машинисту логарифмическая линейка?
— А вот возьми-ка ее, Игорь, пойдй с Сережей к счетчику, прикинь, сколько мы сэкономили электроэнергии... Ты же в математической школе учишься. Умение на логарифмической линейке считать!

Игорь уходит, а Евгений объясняет мне: «Вон астрчный идет, весь в дыму, колесками тормозит. Этот уж не сэкономит. Что-то у него с электрическим торможением».

— Минутку! А мы как тормозим?

— Регуперативным методом. Поезд на спуске превращается в живую силу. И толкает электроваз. А тот упирается. И двигатели не берут из сети энергию, а, наоборот, отдают ее. Это и есть рекуперация.

— И много вы так экономите!

— За квартал у меня вышло 250 киловатт-часов.

Игорь вернулся. Доволен. Вот и у него в рейсе свое дело.

Теперь мы отложили с ним линейку, взяли за карандаш. Чтобы до Златоуста донести наш состав, нужно «сжечь» 60 киловатт-часов. Значит, через каждые три месяца Евгений может провести четыре тяжеловесных поезда по этому маршруту на сэкономленной энергии. Мы прикинули — это как раз расстояние от Москвы до Ленинграда.

Но экономить энергию не так просто. Как не просто водить сверхтяжелые поезда. Три часа отведено нам на рейс. Надо уложиться. И надо

притормаживать на спусках — только тогда можно сберечь электроэнергию... Опытный машинист собственной спиной «чувствует», как толкает его поезд. Машинисты на платформах — сопротивление ветра погасит энергию поезда. А вот руда, уголь — тут лишь приспособляйся к профилю пути. Нечет!

Когда Евгений отправился в свой первый рейс на Златоуст, на тетрадном листке он зарисовал весь путь. Где подъем, где спуск, где какой сигнал... «Профиль» пути для машиниста — как лоща для моряка. Евгений весь путь «видит». Вот тут надо в гору выскочить, пусть даже с большой затртой энергии. Зато потом, на уклоне, «на выбеге», поезд покажется лучше. И тогда ставь рекуперацию. И восемь моторов электроваза превратятся в электростанцию и начнут вырабатывать энергию.

Многое приходится учить машинисту. Как сформирован поезд, нет ли впереди двухосные, легокосые вагоны, которые при торможении могут «выдавать». Отлажена ли схема рекуперации, стабильно ли напряжение в контактной сети. В эти заботы у машиниста вырабатывает особая хозяйственная жилка. В конце рейса машинист не только записывает в «бортовой журнал», как работала рекуперация, но отмечает и то, что veniva на электровазе недостает или атчен. И электрический фонарь, номер такой-то, помощник машиниста сласт сменяющей бригаде с рух на руки... Когда мы отправлялись в рейс, я заметил небольшие мемоман-

Диспетчерская. Отсюда уходит и сюда возвращается машинист.

Младший брат в рейсе... Вот так, наверно, и становятся машинистами.

чки, с которыми Евгений и Сержа пришли на смену. Такой комодчик машинист называют шарманкой. Слово отслало от старых паровозных времен, от железных суздучков. В шарманку укладывают кое-какой инструмент, проводники, вставочки, «хроноидлы» — электрические замки. Берут концы проволоки, риварды, записную доску, дефицитную болше искусство — собрать на дороге шарманку. В малом ее объеме должно оказаться именно то, что потребуется в этом рейсе. Когда Евгений собрался домой из Баку, где месяц учил работу молодых машинистов, он подарил черноглазому азербайджанцу свою шарманку в знак особого расположения.

Вместителем комодчика... И в человеке тоже помещается и малая хозяйственность, забота о тряпке, еще пригодной к делу, забота, которая кого-то может удивить, а то и покоробить, — и большое беспокойство о грузах, о тяжелых «маршрутах» сверховета, о сотнях и тысячах киловатт-часов энергии, которую можно сбересть государству.

...Мы заканчиваем рейс. Вот он, Златоуст! Сдаем бригаде наш поезд. Идем в столовую, а потом — спать под чистые простыни. Евгений толкает дверь железнодорожной гостиницы, будто к себе домой: «Принимай, бабушка!»

В иных «отдающих» машинистам выдают пикажи, казенные талочки. Соберется несколько бригад, сидят в пикажах, разговаривают о своем. Вот и у нас такой разговор. Мы слушаемся с Игорем. «Зима скоро», — говорит сам машинист, — надо к ней подготовиться. Вот та машина поедет в зиму, а вот той тужен ремонт. Зимой машинист пишет Евгения: «Ты вот на этом километре энергию сбрасывашь? Да! А у меня почему-то пережог!» И видно по лицу: делает человек мысленно полный анализ своей поездки, сравнивая ее с тем, что услышал... И так мы сидим с Игорем, вместе с машинистами и их помощниками.

Я слежу за Игорем. Как не терпится ему стать взрослым! Как хочется быть похожим на этих людей, на братьев. Игорь раздобыл книжку американского культуриста Стифа Рифса, который спал на гвоздях, клал на груду камней в 500 килограммов и позволял разбивать его кулаками. Культурист рекомендовал куражничать зассе — поднимать и ловить на шею мешочек с дробью. Вдохновенный мальчишка за немаленко дробин принимал на спину старый валенок с гантели внутри, пока в десятая рт валенок не сохранился на пол и соседки снизу не завалил простыни.

Но с возрастом нежности наши кукурсы. «Жень, а ты ступ за ножку подмышку! А если я еще шаптаную доску полую?»

Игорь таинственно признался мне, что на его взгляд, «работа у брата ничего, подходящая».

— Не то что у нас в школе, на уроках труда... И добавил для убедительности: «Все этожрада для этюдиста! А тому, кто провинится, дают расплюсченное зубило-напильником обтачивать».

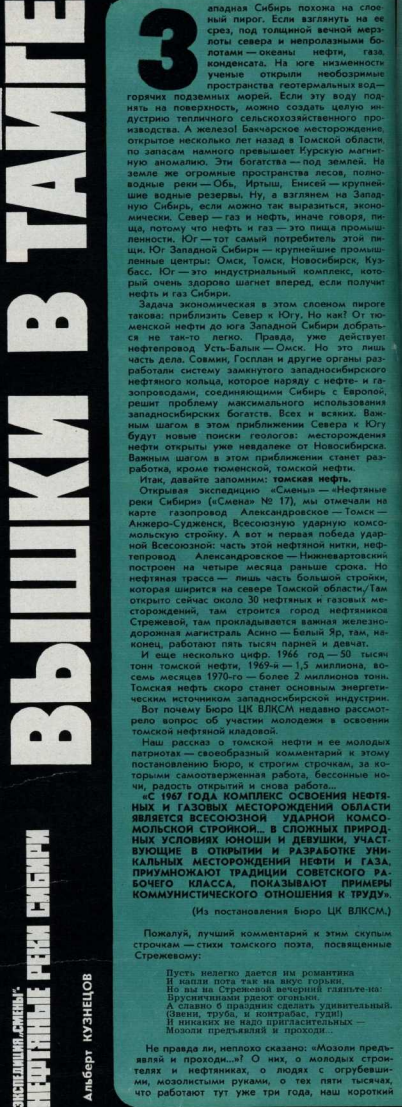
Пожале, могучий брат скоро вытеснит Стифа Рифса.

После отхода нам команда — пора! И опять мы в пути. И только ночь теперь. Мальчишка сидит на комоднике брата, на шарманке, клочет ноу-убеждает: проснит Игорь расцвет! А может, именно расцвет в дороге нужно увидеть, чтобы человек решился пойти в машиниста... Мелькает за окном крошечная уральская станция Хребет. В свете прожекторов — километровый столб. 1971-й километр от Москвы. Приходит мысль, что наш тяжелый состав, грохочущий мимо станции, идет вовсе не сейчас, не этой ночью и даже не в нынешнем году, а в будущем. Ведь Евгений Разгулов, наш машинист, перевез все, что ему положено было перевезти в этой пятилетке. Работает в счет другой. Значит, мы сейчас едем уже в будущем, в 1971 году! И с каждым километром удаляемся от этой ночи, от нашего времени, опережая его. Мудро когда-то поелось: «Наш паровоз, вперед лети!»

...Приближается рассвет. Игорь, конечно, проснит его во второй кабине, в «будуаре», как выразился Евгений. Проснит в кресле машиниста, которое он предпочел креслу помощника, хотя оно, говорят, удобнее. Но он, конечно, еще увидит в своем собственном рейсе и облака, подвеченные снизу, и огромный серп луны, и мокрые после дождя рельсы, с которых смыло мазут... Наш поезд теперь не буксует, и путь вперед свободен. Светит «зеленый». И Сержа насасывает «Песню про шофера».

И прежде чем Евгений успеет, как положено машинисту, повторить команду, за спиной у нас вдруг раздается: «Внуку «зеленый!» Это Игорь возвращается из «будуара» и виновато протрачет глаза.

По маршруту пятилетки.

ВРЕМЯ

Владимир Сибиряк похоча на сплошной пирог. Если взглянуть на ее срез, под толстым веной мерзлоты Севера и непрозрачной болотами — оковы нефти, газа, конденсата. На юге неизменности ученые открыли необозримые пространства геотермальных горячих подземных оков. Если эту кову поднять на поверхность, можно создать целую индустрию теплинского сельскохозяйственного производства. А железой Вачкарского месторождения, открытого несколько лет назад в Томской области, по запасам намного превышает Курскую магнитную железору. Эти богатства — под землей. На земле же огромные пространства лесов, покладовые рены — Обь, Иртыш, Енисей — крупнейшие впадины впадины. Ну, а взглянуть на северную Сибирь, если можно так выразиться, экономически. Север — газ и нефть, иная говора, пища, потому что нефть и газ — это пища промышленности. Юг — тот самый потребитель этой пищи. Юг Западной Сибирь — крупнейшие промышленные центры: Омск, Томск, Новосибирск, Кузбасс. Юг — это индустриальный комплекс, который очень здорово шагнет вперед, если получит нефть и газ Сибиря.

Задача экономическая в этом сплошном пироге такова: приблизить Север к Югу. Но как! От томенской нефти до юга Западной Сибирь добраться не так просто. Правда, уже действует нефтепровод Усть-Балык — Омск. Но это лишь часть дела. Совмин, Госплан и другие органы разработали систему замкнутого западносибирского нефтяного кольца, которое наряду с нефтью и газопроводами, соединяющими Сибирь с Югом, решит проблему максимального использования западносибирских богатств. Всех и всяких. Важным шагом в этом приближении Севера к Югу будут новые томенские геологические месторождения открыты уже недалеко от Новосибирска. Важным шагом в этом приближении станет разработка, кроме томенской, томской нефти.

Итак, давайте закончим: томская нефть. Отправная экспедиция «Сивер» — «История реки Сибирь» («Смена» № 17), мы отмечали на карте газопровод Александровское — Томск — Анжеро-Судженск, Всесоюзную ударную комсомольскую стройку. А вот и первая победа ударной Всесоюзной стройки этой нефтяной линии, нефтепровод Александровское — Ниневяровский построй на четыре месяца раньше срока. Но нефтяная трасса — лишь часть большой стройки, которая ширится на север Томской области. Там открыты запасы около 30 нефтяных и газовых месторождений, там строится город нефтяников Стрельцов, там прокладываются великая железнодорожная магистраль Асино — Ваяль. Яр, там, наконец, работает первая тысяча парней и девочек.

И еще несколько цифр. 1966 году — 50 тысяч тонн томской нефти, 1969-го — 1,5 миллиона, во всем месяце 1970-го — более 2 миллионов тонн. Томская нефть скоро станет основным энергетическим источником западносибирской индустрии. Вот почему Бюро ЦК ВЛКСМ недавно рассмотрело вопрос об участии молодежи в освоении томской нефтяной кладовой.

Наш рассказ о томской нефти и ее молодых патриотах — своеобразный комментарий к этому постановлению Бюро, к строгим строчкам, за которыми самоотверженная работа, бессонные ночи, радость открытий и снова работа. **ИЗНАЧЕЛНОЕ КОМПЛЕКСНОЕ ОСВОЕНИЕ НЕФТЯНЫХ И ГАЗОВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ОБЛАСТИ ЯВЛЯЕТСЯ ВСЕОБОЮТОЙ УДАРНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ СТРОЙКОЙ. В СПЛОЖНЫХ ПИРОДНЫХ УСЛОВИЯХ ЮНОЩИ И ДЕВУШКИ УЧАСТВУЮЩИЕ В ОТКРЫТИИ И РАЗРАБОТКЕ УНИКАЛЬНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ НЕФТИ И ГАЗА, ПРИМУНОЖАЮТ ТРАДИЦИИ СОВЕТСКОГО РАБОЧЕ-КЛАССА, ПОКАЗЫВАЮТ ПРИМЕР КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ.**

(Из постановления Бюро ЦК ВЛКСМ.)

Пожалуй, лучший комментарий к этим скрупулезным строчкам — стихи томского поэта, посвященные Стрельцову:

Пусть незлобо дается им романтика
изливать свой гай на аналитическую
Но вы на Стрельцов вечерний глядите-на:
Прислушайтесь, родной огоньки.
А слышно о продвинутом удивительный
(шансы, трубу, и котлабасс, гудки)
И вникаете надо предельных
Мозоли предельный и прощайте.

Не правда ли, неплохо сказано: «Мозоли предельные и прощайте...!» О них, о молодых строителях и нефтяниках, о людях с орубвищенными, мозолистыми руками, о тех пяти тысячах, что работают тут уже три года, наш короткий

ЭКСКЛУЗИВНАЯ СЪЕМКА НЕФТЯНИКОВ РЕКИ СИБИРИ Альберт КУЗНЕЦОВ

— Есть комсомол Белоруссии как неразрывная часть всего Российского комсомола! Эти слова прозвучали в Минске 24 сентября 1920 года, когда был организационно оформлен белорусский комсомол, родившийся в боях за Советскую власть.

Спустя полвека, в нынешнем сентябре, комсомольцы всех поколений республики — и ветераны, создававшие первые заводы Белоруссии, первые колхозы в гиблых болотах, и те, чья юность была опалена войной, прославилась партизанскими подвигами, и их младшие соратники, поднимавшие в комсомольском возрасте республику из пепла, и сегодняшние семнадцатилетние торжественно отпраздновали 50-летие белорусского комсомола. Это событие отмечалось накануне знаменательной даты — 50-летия выступления В. И. Ленина на III съезде РКСМ. Вся история комсомола Белоруссии — выполнение ленинских заветов. Почти миллион юношей и девушек, сегодняшних комсомольцев республики, с честью преворяют в жизнь ленинский наказ «быть ударной группой,

50 ЛЕТ

**ПРАЗДНОВАНИЕ
50-ЛЕТИЯ БЕЛОРУС-
СКОГО КОМСОМОЛА.
МАНИФЕСТАЦИЯ МО-
ЛОДЕЖИ; ДЕЛЕГАТЫ
И ГОСТИ ТОРЖЕСТ-
ВЕННОГО ПЛЕНУМА;
ВЫСОКУЮ НАГРАДУ
КОМСОМОЛУ РЕСПУБ-
ЛИКИ ВРУЧАЕТ ПЕР-
ВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК
КПБ ТОВ. П. М. МА-
ШЕРОВ.**

ШАГИ КОМСОМОЛЬСКОГО ПРАЗДНИКА

Фото Альберта ЛЕХМУСА

которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин».

К боевой награде комсомола республики, ордену Красного Знамени, добавилась высшая награда Родины — орден Ленина.

Партия высоко оценила созидательный труд белорусских комсомольцев. Об этом с радостью и волнением говорили на торжественном юбилейном Пленуме ЦК ЛКСМБ молодые труженики.

Преданность белорусской молодежи идеям Ленина материализуется в стройках Новополоцка и Гродно, в могучих жодинских самосвалах и минских тракторах, в сложных электроприборах и автоматических линиях, преобразенных землях колхозов...

Приняв почетную награду партии и правительства, молодежь Белоруссии, ее комсомольский авангард ширят в эти дни ударное соревнование в честь XXIV съезда КПСС.

На знамени белорусского комсомола начертаны гордые и обязывающие слова, клятвой звучащие в сердце каждого молодого человека: **ПО-ЛЕНИНСКИ УЧИТЬСЯ, РАБОТАТЬ И ЖИТЬ!**

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Рисунок Евгения ШУКАЕВА

В радиопункте было необычно много народа. Летчики толпились упрямые, насупившиеся. Их подбадривал кто как мог, но слова были обесцены общим горем. Радисты до боли всматривались в узкий сектор шкалы, на котором должен был говорить «борт 2315». А он молчал, и все знали, что означает это пугливое молчание. Оператор переключил радиостанцию, и его голос входил в пористую крышку микрофона, пробегал по тысячам проводов, умножался, превращался в импульсы, выбирался на сетку передающей антенны и несся над снегами, зимами, касался других антенн и звучал из приемников ледоколов, из раций вездеходов, со скрежетом ползущих в ночи, из наушников сотен бортрадистов, но не достигал тех, кому предназначался. «ИЛ-14», «борт 2315» не отвечал. Байдаров представлялся беспомощный, потерявший управляемость и силу самолета, брошенный в колдовство ледяного вихря, и ему было ясно, что надеяться не на что.

Здесь было не впервой терять друзей. Они уходили иногда подлиноче, иногда целыми экипажами. Все бывало. Но после этой аварии был поставлен вопрос о создании дополнительной станции наведения, которая могла бы точнее доводить авиацию до нужных точек. Создать такую маяк было решено на острове Даллеме. Через месяц, вадмак над островом стал крачек и люрикос, затархтел вертолет, и из него вышел Байдаров — в телогрейке и красном свитере, сосредоточенный, деловой, строгий.

У него даже дыхание перехватало от радости, когда он услышал, что есть такая нужда в радисте на острове. И вот...

6

Когда семь лет назад он вошел в первый раз в этот домишко, глянув на низкий дощатый потолок, на железную койку, ему стало не по себе. Но на столе стоял великолепный приемник, рядом — перчаточная и серая шафка радиолока. Это хозяйство требовало настройки, ухода, это была его давнишняя неизменная страсть, и пришел день, когда он почувствовал себя совсем нехорошо — загущающий туман бортдастана кричал ему в ухо слова благодарности, приветия от экипажа. Потом его еще ячлоше благодарили.

Он вынул слева мороженую картошку, колотила тонором смерещався попельню, замерил осадки, передал в Центр телодоро обстановку, ловил музыку Индия, Америки и Швеции, закинув руки за голову, лежал на койке, слушая «Гугайку», перечитывая старые «Огоньки», но не вставал и не вставало, бредило, желтые лица. Горькое и приятное воспоминание... В груди щемило, хотелось поговорить с кем-нибудь, он начинал возиться с Проншой, ее притворно рычал, скалился, щемил зубами.

Так они вместе с Проншой дождались весны, света и вертолета, который выварашил на Большую Землю, в город.

Там Байдарды три занимались бумажной суетой, сетями, накладными, потом гуляла неделя, а потом весь свет ему был не мил, мутно стовнилось и пусто. И он, каждый раз еще дожидаясь Большой Земли, уже снова ждал и не мог дождаться, когда залезет в «МИ-4», заваленный мешками, индианки, мотками проволоки.

Такова была его жизнь, привычек и размерен был ее ритм: месяцы одиночества, короткие, редкие вылазки к людям и снова отставка, снова месяцы в непростой и уютнейшей обстановке коррективщика поларной авиации.

И вот спустя семь лет такой жизни Байдаров вышагивает по залу ожидания, зная, что от этого рейса в Москву зависит его судьба.

7

Она придет, будет ждать.
Пройдет час. Потом еще полчаса. И еще.

И полетит она в свой город, и будет ей худо, тяжело, неприятно, опять смотреть на белые перья, на реку... Сто шагов вперед. Это назад, с той койки можно. Хотят бы адрес знали. Дал бы телеграмму. «Задержала поездка». Но у меня — только позвонить или встать, и не дай бог, чтобы кто-нибудь узнал о наших разговорах контрабандой.

Уже много месяцев в нарушении всех инструкций и предписаний мне удавалось продлить тот разговор на одну-две минуты. Эти минуты немалое и важнее в моей жизни.

Началось это случайно.

Стояло на набережной, я не услышал — мало ли почему? — только однажды, в конце связи, эта далекая радистка спросила, правда ли, мол, что на острове Дальнем живет он один.

Да нет... а что же, в еврейской лесной хороше, тыщты прилетают. И не прослушал я, нет, не прослушал, как умок вадур женский голос за несколько тысяч километров от острова.

Наши свидания в эфире случались раз в неделю, потому что через каждые три дня ее заменяла девица с терпелим, уверенным голосом, четкой дикцией и короткими рекламками без выражения.

Скоро год, как мы впервые пробовали неполюженную музыку. Теперь предельно скаты были все мои сообщения, непременно надо было мне урвать еще одну лишнюю минутку, урвать ее у другого радиста, с другой девчонкой из тундры.

Я не знаю ее имя, ее рук, глаз, я их не представляю и боюсь представить: для меня существует только голос, трещающий мембраной наушника.

Систем эфир, трещали разряды молний, перебывали друг друга сигналы кораблей и портов, сигналы любительцев, врзавшихся в наши служебные диапазоны, смазанный жест скоростного телеграфа, а я ждал, когда вновь прилетит с радиоволной его голос, немного уставши, с хрипотой, с врожденным говором. Сколько сигарет было изкурено в ожидании этого голоса, с нем только и жужжало в эти минуты, ожидая.

Трижды в месяц, и я начал понимать, что все, что бы я ни делал, связано непонятными, крепкими нитями с нею.

Ее зовут Таяя. Я люблю это имя.

И хоть я и ни разу тебя не видел, я знаю, как ты ходишь по углящим своєю городу, как приходишь вечерами в своєю комнату, закрываешь дверь и включаешь музыку. И, слушая музыку, думаешь об отворе среди дальних полей, о человеке на нем. Обо мне. На всей земле — только ты одна.

8

Я люблю Дальний весной, когда вскрываются льды, когда море снова нахват солью, когда ветер це режет глаза, а несет с берега, из тундры забытые запахи травы, цветущего липняника, оленьих став.

Плело тогда становится нам с Проншкой. Носится он как угорелый по камням, летт просто так, задрова голову к небу, илет жатающийся скел, приключается, аякинт и крутится вольком.

Мы ждем с ним одного и того же.

И приходит этот день.

Пронша настораживается, цепенет, начинает мелко дрожать, пригбаец к снегу. А потом вскакивает и бежит к морю.

В просветлевшем всенем неше летает чайка-хохотунья.

Пернак.

Она подлетает к камням, срывается, планирует и усаживается на крошки льды, чиркает крылом по воде и с промком криком уходит к матерку.

И снова дни одиночества, но мы с Проншкой — опытный народ. Теперь скоро.

Летят с пронзительным криком чайки, летят бело-черными стаями кабри, занимают уступы, селятся в щельях, на камнях. Тысячи чаетт вылетт над Дальним, и капилт знания, и хочется, чтобы было так всегда.

Крик, писек, свист крыльев, драки и скалдыки, ветер несет серые, белые и сине-черные перышки, в воздухе плавают розовый дум.

Михаил РЕБРОВ,
механик

9

а день до стирга «Луна-16» состоялось закрытие межгосударственной выставки «ЭКСПО-70». В память об этом форуме я нашыл на семи комах Совети, было СССР, заложены две «капусты времени» — своеобразный сувенир ютякам. Одну предполагается вскрыть в 2000 году, другую — через 2040 лет. Больше духу тучен предметов — свидетельств нашей современности — замурованы в японскую земле на долоте хранение. Среди них и копия замкнута с государственнм гербом СССР — вышитая карточка земли, впервые доставленная на другое небесное тело.

Я помню, какой отклик в сердцах людей вызвало выступление в «Лунной симфонии» XX вестия, как восклицание писала мировая пресса о стартах создателя лунных ракет, как... Впрочем, начну по порядку.

То был 1949 год. Мы, первокурсники МНТУ имени Баумана, слушали авиационную лекцию по теоретической механике. Читал ее профессор В. П. Ветчинкин. Читал, вволювали, увлеченно, рисуя настоящие и будущие этой, казалось бы, уже все открытые и постигнутой науки.

В конце лекции профессор достал из папки пожелтевшую газетную вырезку. Вот ее содержание:

«Если принять во внимание, что Луна продолжает 13 сложных движений, в которых в любом учебнике космонавтики говорится, что установление их принадлежит к труднейшим задачам астрономии, а с другой стороны, даже здесь на земле так трудно попасть в зарокан даже прицельно, то зарание делат почти невероятным, что удасть «опасть» в Луну или даже в область ее притяжения.»

Это был отклик на лекцию В. П. Ветчинкина о межпланетных полетах, прочитанную в Политехническом музее еще в 1924 году. Профессор не успева расказать нам, как он опроверг «бездальского скептики». Звоню на первый оборотел его рассказа.

Следующие лекции были посвящены разбору конкретных тем курса, и мы больше не возвращались к проблемем космоплатаны. В то время они казалис фантастичными и самым далекими от реальности. Свидетельств лунной эпопеи, мы тогда так считали, будут студента 2000 года.

Но прошло десять лет. Всего десять! Сообщение о запуске на сторону Луны первой советской автоматической станции всколыхнуло в память прошлое, а с ним част начался штурм Луны вскричалась задолго до лунного камня. Его восстапил пот Давенем Греции и Рима, о нем писал марксисте философфе Демокрит Миландский, Пифагор и Цицерон, а ним отправляли через свои произведе лунной поверхности, научитьс могя сжать летательные аппараты и грунт Семены.

1959 год. «Луна-2» — достояния на поверхность Луны вышлела с гербом СССР...

1959 год. «Луна-3» — сфотографировала обратную сторону Семены и передала по радиоканалу фотографии на Землю...

1966 год. «Луна-9» — мягкая посадка и фотографии лунной поверхности...

1966 год. «Луна-10» — спутник Семены...

1968 год. «Зонд-5» — облет Луны в возвращение на Землю...

1969 год. «Аполлон-11» — высадка человека на Луну...

И пусть первая ракета не попала в Семену, а первая лунка, став искусственной палаткой, саваа того дня не померят в истории человечества. Свершилось то, о чем мечтали поколения земляни, что предсказывал и над чем работал гениальный русский математик К. Э. Циолковский, что популяризировал и развивал профессор Ветчинкин... Кстати, его именем теперь назван кратер на обратной стороне Луны. Да и выпускники-бузаны уже бубаляли на космических орбитах.

Я далеке от мысли утверждать, что все, обещавшееся сегодняшний взлет космонавтики, сделано лишь в нашей стране. Нет, мы отдаем должное день уважения и работам братьев Райт, и опытом Оберта, и смелым экспериментам Годдара, мужеству

отцы Н. Армстронг, М. Коллинз и Э. Уайлд и в то же время другим, кто создавал теорию и проекты космостанций. Но стобоявая дорога космоплавания пролегла нашими советскими путями.

Каждый шаг по лунному маршруту стал подлинной сенсацией, вернейшей научных открытий, знойшей в освоении космоса. Но старт, который состоялся 12 сентября 1970 года, исключает из их списка все программы, так и не дошедшие до цели.

Технический комплекс «Луна-16» с автоматическим «космонавтом» на борту был запущен с территории окрестностей Луны. Коррекция траектории при полете, включение тормозной системы и направление в расчетной точке, ставило перед аппаратом сложную лунную орбиту. Но операция было самое сложное — посадка в заранее выбранном районе. Ведь место приземления определяло и заданное место приземления и обратный старт.

Чтобы совершить точную посадку, «послушный» автомат изменил орбиту так, чтобы ее пересечь — ближайшая точка к поверхности Луны — находилась в заданном месте. Высота — 15 километров. При этом наклонение и долгота орбиты строго соответствовали расчетным значениям.

В 8 часов 18 минут стартовала славным главным конструктора «Луны-16», как по нотам. Перед приближением к перисфиту продольная ось станции заняла необходимое положение в пространстве. В перисфите включались тормозной двигатель. На высоте 13 километров он выключался. Станция продолжала свободный полет по баллистической траектории. Когда до лунной поверхности оставалось 600 метров, вновь начал работать основной двигатель. Он плавно снижал скорость снижения до высоты 20 метров.

Система управления станции все это время получала сигналы с радиомодемного устройства, непрерывно извещавшего о высоте полета, величине и направлении скорости спуска. Электронный мозг «луничка» сравнивал эти сигналы с расчетными данными и выдавал команды на отклонение оси станции для уменьшения или увеличения скорости спуска. С высоты 20 метров до 2 метров работали двигатели малой тяги, которые мгновенно останавливались, оставшиеся ошибки высоты и скорости.

В 8 часов 18 минут 20 сентября телескопические ноги луниного «курьера» отпечатали первые следы на дне моря Юпитера. Аппарат сразу же приступил к работе. Он «смотрел», «слушал», «измерял» и на языке, понятном только посвященным, передавал свои впечатления через антенну — телеметрию в мозг — наземный командный и вычислительный центр. Земные операторы управляли работой автоматического «космонавта» и выдавали команды. Иногда пришлось помешать работу выверенным и конструкторам, прежде чем была создана установка, способная действовать по программе и сигналам, переданным с Земли. Брать пробы грунта на разнотравье глубиной до 350 миллиметров, грузить их в спускаемый аппарат лунной ракеты.

На пункте управления по троекратной связи передавались сообщения о всех манипуляциях там, на Луне. Сначала штанга с закрепленным на ней буром повернулась в сторону и прижала бур к поверхности Селены в точке, которую выбрал «глаз» автоматического «космонавта» — фотометр. С Земли подали команду на включение.

И вот начал работать электропривод бура. Внутрь инструмента медленно входил «аккуратно» выверенный цилиндр лунного грунта. «Механическая рука» не повредила и не разрушила его, она совершила его такким, каким он был на поверхности Селены миллионы лет.

Выполнив эту работу, автоматиче-

ский «космонавт» уловил лунный камень, в спускаемый герметическую капсулу и разместил ее в спускаемом аппарате. Теперь можно и домой.

Но как попасть на Землю? Когда мы видим желто-голубой облик Луны на ночном небе и мысленно представляем, что необходимо было бы 49 Лун, чтобы получить тот же объем, что и у нашей Земли, задача эта кажется пустяковой. «Рукой податься» Бакст Мухоматовой убеждает, что его сауга послал из Константинополь пулю в газ ворован, сидящему на колокольне в Берлине. Ученым, запустившим станцию «Луна-16», на деле пришлось решать задачу куда, им менее трудную. Она сложилась еще и тем, что Земля, как мячик, несется вокруг Солнца со скоростью 30 километров в секунду. А полная формула движения Селены, описанная А. Эйлером, содержит более 700 членов. Добавим к этому, что, кроме учета многих факторов, необходимо было с исключительной точностью определить координаты ракеты на Луне, выбрать время старта и строго выдержать величину скорости.

21 сентября в 10 часов 43 минуты по московскому времени включился двигатель лунной ракеты. Пламя охватило стартовую платформу. С этого маленького космодрома уйдет вертикально вверх автоматическая ракета с малотоннажной посылкой из моря Изобития — частичкой Луны.

Космическая навигация, открытая полетом первого советского спутника, еще не знала такой изумительной точности полета. Возвращающий аппарат «Луна-16» должен был попасть не просто на Землю, а в строго заданный район Казахстана. Если вы сравните цифровые данные, характеризующие этот эксперимент, вы почувствуете, какой полноте спайсерской была точность движения луниного курьера.

Мне вспоминается разговор с одним из руководителей наземного командно-измерительного комплекса. Наблюдая за тем, как я рассматриваю все то, что сфотографировано в рабочем зале Центра управления, он вдруг спросил: — Что вам напоминает наша работа?

Вопрос поставил в тупик. В самом деле, что?

Нашу обстановку можно сравнить с тем, которая улавливается, что происходит на (он за секунду смолкает) железнодорожном узле. Все мы своего рода диспетчеры, которые следят за отправлением и прибытием поездов, за движением их по своим маршрутам, распределяют средства съезжения, выбирают рабочие частоты, решают «конфликтные» ситуации при вхождении в ту или иную зону сразу нескольких «поездов». Правой, наши «поезда», в отличие от обычных земных средств транспорта — паровозов, паровозов и самолетов, — приходят в пункт назначения с точностью до секунд.

И как бы в подтверждение его слова на пункт управления поступали сообщения:

«8 часов 31 минут. Раскрылся парашют...»

«8 часов 26 минут. Станция приземлилась в заданном районе, почти рядом с расчетной точкой...»

«8 часов 29 минут. Рядом со станцией сея вертолет полевой службы...»

В тот же день контейнер с лунной породой был доставлен в одну из лабораторий Академии наук СССР. Там он прошел тщательную биологическую стерилизацию, а затем капсула с грунтом была помещена в специальную герметическую камеру, наполненную инертным газом — гелием, и вскрыта.

Лунный камень из моря Изобития. По виду он чем-то похож на прусский чересом — смуглый, серобурый, с коричневым оттенком. Он

скорее напоминал образцы, взятые из гравияны грунта. Когда же свет пробегал по загадочным кристаллам, они вдруг становились зеленоватыми, а на какое-то время даже чуть-чуть красноватыми...

Детальные исследования образцов лунной породы еще ahead. Ученые разработали широкую программу всестороннего изучения внеземного вещества, цель которой — определить физические, минералогические, химические, механические, магнитные и другие свойства и тайны лунионита. Эти данные очень важны ученым для решения не только космических, но и чисто земных проблем.

А что дальше? Говорят: чем больше становится radius известного, тем больше радиус окружности сопряженного с неизвестным. Мы знаем, что иные далекие планеты гораздо менее «гостеприимны», чем считалось прежде. Если сейчас можно предположить возможность полета человека, скажем, на Марс, то, как показывают последние исследования, Венера, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун на современном этапе развития космической техники отрицают возможность визита человека. Авантюрам в познании их природы призваны стать автоматические «космонавты». Их роль будет возрастать. Ведь кроме всяких прочих факторов, немалое значение имеет удаченность объектов исследования. Чтобы добраться до Луны тратуются дни. Для полета на Марс нужны месяцы. Экспедиции в более отдаленные районы Вселенной потребуют годы. В такой длительней рейс человеку очень трудно запастись едой, что необходимо для жизни и плодотворной работы.

Иное дело — автоматический «космонавт». Измерение самых широких значений давления, плотности, температуры, радиации, изменение влияния на живую материю (ведь в первую очередь можно послать биологические «существа»), доставка грунта с других планет и астероидов на Землю, сбор в дальнем космосе, да и в пределах наземных разнообразной научной информации в самом широком смысле этого слова — во многих из этих грандиозных космических экспериментов находят отголоски результаты замечательного полета автоматической лаборатории «Луна-16». Эффективно, экономично, без тени риска. Вот почему ее рейс по праву можно назвать местом в будущей.

Автоматическая станция «Луна-16».

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА

ЗВОНКИЙ ГОЛОС ТЮЗА

Белла КЛЕЩЕНКО,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

ТЕАТРА
ЮНЫХ ЗРИТЕЛЕЙ

ХОЗЯИН
ТРЕНЬ БРЕНЬ
ПОСЛЕ КАЗНИ ПРОШУ...
НАШ ЦИРК
НАШ ЦИРК
КОНЕК ГОРБУНОК
КОНЕК ГОРБУНОК
ХОЗЯИН
ТРЕНЬ БРЕНЬ
БЕЛЛА Я СЕРЕГА
И СЕРЕГА
И ПРОШУ...

А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...

День выдался удивительно теплый. Говорят, и двадцать пять лет назад он был таким же.

День Победы. У театра — группа молодых актеров. Николай Иванов, Игорь Шибанов, Кирилл Филинов. Как всегда, неразлучны с гитарой Виктор Федоров и Александр Хочинский.

— Едем с шерфским концертом. Поехали с нами! — приглашает главный режиссер Ленинградского ТЮЗа З. Я. Корогодский.

Поездки. Ехать почти четыре часа. Самое время беседовать. Начинаю, конечно, с Николая Иванова, комсомольского вожака, делегата XVI съезда комсомола.

Отвечает на вопросы скупко. Он человек дела. За это его ценят в коллективе: «Уж если Коля сказал...»

Николай Иванов окончил студию у

Леонида Федоровна Макарьева. Ту самую, восстановления которой так долго добивался Александр Александрович Брянец, основатель ТЮЗа, крупнейший режиссер и педагог. Л. Ф. Макарьева, режиссер, актер, автор многих пьес, воспитатель, вырастивший не одно поколение замечательных артистов, начал свою деятельность вместе с А. А. Брянецким. Он хорошо помнит то время, когда еще в 20—30-х годах заведывались принципы детского театра. И вот 1961 год. Первый послевоенный студийный выпуск. Одиннадцать студийцев зачислены в труппу театра. Среди них и Николай Иванов. В «организме» ТЮЗа старое тесно переплетается с новым, оно как бы заложено в нем.

А ребята пробуют помочь мне «разговорить» Николая:
— Да ты рассказы, как цирячком хотел стать!

— Как в съемках участвовал! Представляете, мосты развели, эпизод сняли, а его забыли.

Ребята наперебой давали советы и смеялись. Николай, вдруг став серьезным, сказал:
— Главное — ничего не делать формально.

За десять лет в театре было сыграно много ролей; вспомнится его Франек в «Волшебном стеклышке», Иванушка в «Коньке-Горбунке», прапорщик Коновницын в пьесе «Лоток свободы» и дядя Шура в спектакле «Треть-Бреть». Серьезный и лукавый, грустный, добрый дядя Шура — философ, шутник, эксцентрик, мудрец и просто хороший человек. Как в кейдоскопе разноцветные стеклышки, так в этой роли проявились многообразие черт его дарования. И где бы он ни играл — в театре или в маленьком школьном зале, на встрече с писателями или воинами — вступил с полной отдачей. Обязательная работа! Она во всем. И в шефских концертах тоже. Их много. В школах, читальных залах, воинских частях.

Когда тем временем с Кириллом Филиновым готовился и предсто-

Вылитая карточка театра.

●

Старая, старая сказка...

●

До премьеры еще далеко...

●

Их все подделают — пенки, танец, пантомима.

●

Здесь рождается внешний рисунок роли.

шей астрене: уточнял текст, интонации. Мои размышления прервал чей-то возглас:

— Вышли на «двору жинки!»

Вот она, Ладога! Порованное кольцо блокады. Горит вечный огонь. Ладожский ветер срывает горелку, и во все время приходится поправлять. Кругом по-васонному чисто, и березы тоже как будто праздничные.

— А зори здесь тихие... — задумчиво прозвучит кто-то.

Вечером того же дня «дом», в театре, премьера повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие». Спектакль, поставленный режиссером Г. Димантом, посвящен 25-й годовщине со Дня Победы в Великой Отечественной войне, лирическим и страстным. В конце спектакля старшина Васков (артист Г. Вернов) спрашивает: «А потом, через двадцать — тридцать лет, поймут, за что эти девочки погибли?»

Думаю об утренной поездке к подшефным, вспоминаю грустных, строгие лица. Может быть, они тогда каждый себе на этот вопрос отвечали...

«ХОЧУ ОЩУТИТЬ ПРОФЕССИЮ!»

Сколько существует актерская профессия, столько существует вопросы: как стал актером! Кто актер думает о своей профессии! Какое актер сам — вне сцены!

Он даже не понял, как это случилось. Случилось, и все тут. После школы ходил в Мужинское училище поступить, но... устроился на работу. Художник ТЮЗа был не нужен, взяли осветителем. Через две недели было кино: осветитель не получился. Посоветовали: «Набор в студию, попробуй!». Попробовал. Взял. Так Георгий Тараторкин оказался студийцем. «Через год выгонят, зато интерес», — успокаивал он себя.

Через год не выгнали. В детстве немного пел, хорошо рисовал, обладал богатым воображением — теперь

пригодилось. И имелось еще одно важное качество: абсолютная искренность.

Три года учебы. Мучительной, иногда измучившей. Этюды, отрывки, упражнения — снова и снова. Все казалось какой-то трудной, долгой игрой. Приходил домой и отчивался жуком. Мать и сестра существовали, но помочь никак не могли. Казалось, пронется ночью и закричит: «Хочу ощутить профессию!»

И даже когда сыграл роль Виталия Ромашина в пьесе М. Бремерера «Тебе посвящается» и Сашу в пьесе «Мужчина семидцать лет и Я. Дворского, по-прежнему ничего такого, что выливает профессию, не заметил в себе.

Почему так волновался Георгий Тараторкин?

Всякое вступление в профессию сопровождается тревогой: смогу ли, выдержу ли экзамен жизни! Но почти каждая профессия имеет зримые черты, а молодому актеру по непонятности хотелось научиться определенным приспособлениям, «готовым рецептам» закреплённых навыков, на которые можно было бы опереться. Но всякое приспособление, раз и навсегда закреплённое, — это штамп, а штамп — гибель для актера. Главный режиссер театра и руководитель студии З. Я. Корогодский меньше всего стремится закреплять это раз навсегда, то есть изначально не снимать границы творческих возможностей актера. Всей своей практикой режиссер ТЮЗа доказывает, что стремится эти границы по возможности расширить, главной своей педагогической задачей он считает научить молодого актера свободно владеть своим телом и умением мыслить в образе, анализировать.

Совсем неожиданно кинорежиссер Лев Кулиджанов пригласил Георгия Тараторкина, тюзовского актера, сниматься в фильме «Проступление и наказание». На роль Фодина Раскольниковца.

Два вечера подряд я видела Георгия Тараторкина в разных ролях.

Шмидт в пьесе «После казни прощу...».

Прокричала труба, зазвела арфа, затосковала вионочель. На сцену вышел Шмидт. Мягкий взгляд, застенчивая улыбка, музыкальные руки — все в этом человеке предполагало тонкую душу и благородство. «Шмидт — это воплощенная воля, это та непобедимая сила духа, перелом которой или склоняются, или бледнеют от стыда за свое безволие», — писал К. Паустовский. Такая сила духа есть в Шмидте Тараторкина.

Следующий вечер. Совершенно другая роль — Николай I в «Плоти свободной» Булгака Суджанава. Какую эту черту, самодеятельно, пошляком и эшфотом декабристов, подготовивший роковую гибель Пушкина и Лермонтова?

На вопрос вызывается один из дебютантов, молодой прапорщик Новонивин. Николай I — Тараторкин беретса сама вещь допрос. Он хочет распознать к себе молодого повстанца, он ласков и внимателен необычно. И прапорщик раскрывается, как цветок на свету, — со страстью молодости он рассказывает о руководителех восстания: Бестужеве, Рылееве и других. Ему и в голову не приходит, что это — предательство, ведь он доверился другу, почти единомышленнику.

Какие тернии тала в себе эта царская ласка! И уже в следующей сцене мы видим истинного Николая I — самоуверенного, твердого-менного. Эту «ласку» кровавую твердочелюстность Г. Тараторкин показал в Николае I.

Поговорите с самим актером. Вас просто ошеломят: быстра ума, воля артистической убежденности, современность художественного взгляда на существо театра, широта интересов. Через первые же тридцать минут разговора вам покажется, что вы с ним давно знакомы, что он высказывает ваши мысли, только удивительно четко сформулированные. Такая точность формулировок свойственна разве что поэтам и математикам.

В актере как будто совместились эти две возможности. Умение формулировать, обобщать есть во всех ролях, сыгранных им. Будь это наши современники Аветали и Саша, цельная натура Петра Шмидта или кровавый деспот Николай I.

Среди сыгранных ролей Петр Шмидт — самая любимая.

«Встреча со Шмидтом делает не свободным от него, заставляет соотносить свои поступки с его жизнью. Нравственная целостность героя стала для актера критерием. Да и не самом есть эта бескомпромиссность, душевная открытость, одушевленность».

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

— Роль Гены любимо больше всего! Гена — это мальчик, который больше всего на скрипке любит играть. И обязательно в вайной. Что это? Прихоть, упрямство избалованного мальчика! Да вроде он и не избалован вовсе. Живут они с мамой трудно. Дело не в валолате и не в упрямстве: он переплюнул закулки, и ему непременно нужно выразить себя в своей скрипке, а в вайной резонанс хороший. Вот оно что, скрипка звучит только в вайной (есть что-то смешное и нелепое в этом мелании, поэтому взрослея его понять не могут). И только необыкновенная девочка Катя (необыкновенность ее в том и заключается, что она умает видеть и чувствовать состояние других, а потому необыкновенно щедря и добра к миру) пытается помочь Гене. И матери его говорит: «Неправильно вы его воспитываете, с ним нельзя так». С ним нельзя так, потому что речь идет о рождении таланта и можно погубить его. Но вместе с неопытным желанием играть в Гене зреет и эгоизм, черствость к окружающим, нет в нем Катиной душевной теплоты. Такие мысли вызывают эту роль, когда смотришь спектакль «Радуга жизни» Михаила Роцина. Знаешь, что играет

Влагодарство, сила духа, железная воля — такой лейтенант Шмидт.

актриса Ирина Соколова, а поверять я это почти невозможно, так не важно здесь слово «играет». Одна девочка написала письмо: «Гена, как тебе, такому маленькому, позволили играть в театре? Давай дружить!» Тот день мы долго беседовали с Ириной: о театре, о профессии актера.

— Дома-то куда бываете? — сегодня три спектакля да еще репетиции.

— Да еще интересный спектакль в театральном институте, до чего... подарила Ирина. — Сколько этих еще? Женя, куда приехать домой, в Москву? Иначе не просят: «Мама, поживи со мной!»

Месяц спустя после нашего разговора я узнала, что Ирина Соколова в составе творческой группы Ленинградского театра с Натальей Тенюхой из БАТ уезжает премью.

ВСЕ ДЕЛА ТВОРЧЕСКИЕ!

Утро. Случайный вход. Прошлили грустные глаза Тамары Узрумовой, — Ирина Соколова, — Валерия — Сергея Надорногого, сосредоточенные — Кирилла Филинова, ласковые — Тани Бедовой. Сверхнула очками молодой режиссер Лев Додонов. Сидит в кресле, ожидая.

За кулисы испытываете новую творческую сноровку и спринтовость. — Гримеры, гримеры, гримеры... 1-й, 2-й, 3-й эти лампы. На 5-м этаже БЭЗ. То и дел спектакли: «Принцесса и лягушка», Шопен, а также БРЭЗ! Оказывается, это большая репетиционная зал. Здесь меньше тоскуют и радуются. Там, за дверью, идет подготовка к спектаклю.

«Кто моя лентка? Где мой цилиндр?»

Легкие, стройные фигуры в жемчужно-голубом забегают по лестницам. Третий звонок. И снова юность на сцене. Цирк зажигает огни. Начинается представление «Грифон».

— Цирк любит все — детей и взрослых. Цирк — это смелость, ловкость, красота движений. Попробуем создать воображаемый цирк, — предложение режиссера.

Поет фантазиями... в театре повсюду свои клоуны, борцы, штангисты, канатоходцы, дрессировщики.

При театре существует студия. Студенты первого курса получают обязательное задание: подготовить цирковую программу. Это упражнение наиболее ярко выявляет фантазию будущего актера. Теперь такое задание получили студенты и третьего курса. Театр театр Коргозова, а мы заставляем студиями, какой бы номер они ни готовили, заниматься и балетом, и вокалом, и пантомимой, то есть стремиться развить все потенциальные возможности артиста. К этому занятию присоединились и актеры театра. Возвращаться к первому курсу было нелегко. И, как за всеное но, колдовались. Поимет ли зритель? Как он отнесется?

Дети приняли восторженно. Фантазия актриску дополнила своей. Да и взрослые стали с удовольствием ходить на представления в веселый спектакль. Тогда молодцы театра решили создать еще один подобный спектакль. Готовили его к Новому году, репетировали немалю, не жалели ни времени, ни сил.

Музыкальные фестивали... Они проходят во всех городах и странах. И все же общая тенденция этих праздников, то что спектакли не проводятся. Так родился под Новый год спектакль «Наш, только наш...» — пародийный, ироничный, бризкий весьлем.

Работы — тренинг, мастерская, лаборатория. Смех, шутки раскрепощают, высвобождают энергию,

будут фантазии. И даже в спектаклях «После казни прощай...» У. Долого, «После спектакля Е. Окундра», «Гибель скандинавы А. Корнеичу» — спектакль строгой формы и глубокого нравственного содержания — живут в каждом этих игроков представления.

В обеих работах актеры и ученики студии при ЮОЭ учатся и учатся наравне. Это во многом определяет импульсивность напористости тех и других, имеет свое педагогический смысл.

Раньше я как-то не замечала, сколько спектаклей дружили, добрыми были театры. Меня поразило, что актеры борются с утра до вечера. И даже в антрактах, во время спектакля утокуют, вывероят, оспаривают творческой напористости тех и других. — Они неизменно отвечали: «Мы еще ничего, а вот главный... Он вообще, кажется, никогда не отдывает. В каждом актере я вижу глубокую ответственность за свое поколение, за судьбу театра».

Мера ответственности... Наверно, в ней суть дела. Шефский концерт или спектакль — это вопрос: «Не так ли? комитетом комиссии» — все дела творчески! Иначе — зачем?»

ТРАДИЦИЯ

Молодые театра живут напряженной жизнью. Порывает атмосфера удивительного дружелюбия, доброты, одновременно требовательности друг к другу. Каждый вечер в зале можно увидеть кого-то из режиссеров, членов худсовета, актеров, не говоря уже о педагогах. Они тактично дискутируют, обсуждают каждый: первый и сотый должны быть одинаково художественными. Между молодыми актерами царит атмосфера взаимного понимания. Часто в фойе театра можно увидеть, как Рэм Федорович Лебедев, Михаил Абрамович Краснер, Николай Леонидович Карамышев беседуют с артистами. Учительница от том, как они начинали работу в ЮОЭ под руководством А. А. Брицеева.

Брянцев воспитал и вырастил целую школу артистов. Он определил задачи детского театра, его эстетическую программу. Брянцев мечтал наладить работу по воспитанию воспитателей. Эта идея всецело претворилась в жизнь. Диспуты, семинары, обсуждения, многочисленные встречи. Все делается для того, чтобы взрослые знали детский театр, любящие его артистов, понимали их потребности. Многие из того, что оставалось в ЮОЭ, сейчас стало нормой бытия в ЮОЭ. Совершенно естественно для актеров ЮОЭ сегодня читать театральные журналы, участвовать в массовой сцене. В театре теперь невозможно зависть, завистничество. Есть и еще одна добрая традиция — предельная открытость коллектива. Не традиции не живут сами по себе. Они должны зависеть волеи, энергий живущих.

Такая работа коллектива заслужила самую высокую оценку творческой общественности. ЦК ВЛКСМ удостоил Ленинградский ЮОЭ высшей наградой: за создание спектаклей на истинно-художественно-творческом уровне ему присуждено премия Ленинского комсомола.

Все, о чем размышляет коллектив, что он ищет на репетициях и спектаклях, он выбирает и зрительское сознание, помогает выработать и последовательно вести свою линию: чтобы на уровне современного детского театра.

Добрые традиции подкрепляются энтузиазмом молодежи, талант — трудолюбием, поиск — находками, гражданский пафос спектаклей — собственными творческими открытиями. Поэтому актеры ЮОЭ чистый голос и легкое удивление.

В ПОЛЕНЕ У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Ловят кайры рыбешку, дерутся. Чайки нахально подлетают к дому, усаживаются на вытянутых пролетах, иная, вертляг головками, раскрасившись заливающего Прощку и, со своим подлинным вывесом, роняют на скалы, на крышу, на прохода белые миткини помета.

Счастливые эти птицы. Мы счастливы, потому что уже давно стоит подлинная цель, потому что тепло и у нас на острове тысячи птиц. Прощка ходит на охоту, возвращаете сытый и довольный жизнью. Недолгая ему лафа. Только начнут кайры встать на голые камни, не подберется ему лафа. К ним, Олджейк кайры его поучили.

Ловят. Сидят. Сидят. Сидят. Отпугивают. Я сажусь в кресло, зевая в карман за сигаретой. Вторая пачка кончилась. Ну и ладно. Подремлю.

Таня! Если бы ты знала, как трудно мне было сказать эти два слова: «Давайте встретимся». Сколько раз соблазна себе сказать и не мог. А вот теперь — жаду сказать. Мы счастливо встретимся, к тебе, Танечка. А за окошком идет снег и нет ему ни конца ни края, потому северному снегопаду... А помнишь — тогда, весной? Я сказал, что очень жду наших выходов в эфир. И ты сказала: «Я тоже, очень». Знаешь ли ты, чем был для меня этот день? Я не мог больше оставаться у радики и вышел на дому. Ты была в белом платье с белыми цветами, и небо, все в плотных, мощных облаках, дрожало и, казалось, пригнулось гуделю. Облака медленно двигались, перерождаясь, меняли окраску и то становились тоньше, то наполнялись силой.

— Что? Что такое? — Байдаров не расслышал, что о пробурили по радио, и, хватая за руки бегущих к выходной галерее людей, спрашивал: «Что сказали? Полетят?»

Летели. Летели! Стелки в лохмотья послушнее махнул рукой. — Слава тебе господи, поспешим.

— ...Повторяю... Объявляется посадка на самолет, следующий рейсом...

Объявляли посадку. Несколько геологов, заплясали разбуженные ребята. Байдаров вытерев глаза, встал за всеми выскочил на полку.

Аэродром был затеснен черными полами по сцену ночному снегу. Светилки и грохотали турбинки, ревели моторы, со всех сторон слышался разногласный рокот прогреваемых, выходящих на режим двигателей.

Разом вспыхнул прожектор, осветил холодно мерцающие алюминий фюзеляжи и хвосты с флажками. Загорелись красные и зеленые бортовые огни на кончиках крыльев, ослепительно мигнули раз, другой, третий и привалилось торопливо вспыхивать белые блистеры.

Темной шероховатой ладони проли по бетону к одному из самолетов. Байдаров встал в свое кресло, предельно выдвинул и подпался вверх к зинцовому провалу двери.

Он сел в кресло, глянул в круглое окошко на заваленный снегом, светящийся изнутри желтым синим длинный корпус аэрозавода, на являе молнии, разбегавшиеся мерными всплесками по крылу, снегу, отламываясь от кончиков крыльев, ослепительно мигнули раз, другой, третий и привалилось торопливо вспыхивать белые блистеры.

Прозонительно шумелетел и возмущался до света, задрожала борта и краски, осветилась вперед белым заревом ватная полость, и самолет покатился вперед.

Небо, синее и густое, было прозрачно. В размытой, расплывчатой дали адела полоса восхода, там занимался день.

Много часа длился полет, во всем слове не спал один Байдаров. Он сидел, пригнущийся, курил и, разведув завязавшие, не отрываясь, смотрел в иллюминатор. И все эти часы, дней тревожного, мучительного ожидания показались ему сном, шумелетом и возмущался.

После пяти дней тревог, гаданий, страха теперь в его душе снова была покой, уверенность, радостная тишина.

Он любил каждую зацепку этого самолета, он желал счастья и долгой, радостной жизни pilots.

Сегодня. Через десять часов.

Раньше его не оставалю близобитность: какая она? На его миллионные, как бы невзначай, вопросы она не отвечала прямо, умолкала.

Некрасивая?

Раньше, когда он ждал и не мог дожидаться этой встречи, нет-нет, а приходило к нему, к нему, к нему, было здорово по радио, в эфир... Встретится и не станет слов, не о чем будет говорить, и повиснет над ними молчание?

После года ворованных минут? Когда я хочу ей столько сказать?

Главню как всегда, сидит, кренился в выражах и снова вырывается, выхлещает прелесть. Сколько самолетов пролетело на Далеком Далеком из кура, видимость, ветер, прилет на радиомаяк...

— Уважаемые пассажиры! Из-за густого тумана аэропорт Домодедово закрыт. Наш самолет совершит посадку в Свердловске.

Спать хочется. Только спать. Чтобы не видеть ни этого аэрозавода, ни часов, что все забыть.

Как сильно я устал. От тонки, волнений, спешки.

От радости ожидания, от полета в новый день, который так и не наступил.

Ну, вот и все. Минуту назад пролетел сигнал времени.

«Следший... шестой...» дается ровно в двенадцать часов по московскому...

Она сейчас там. В ушах, в голове — ее слова, ее голос. Только голос.

Спокойный, низкий, то растерянный, то астеничный, то смеющийся.

Спокойный, приветливый, любящий.

Разойдетесь туман. Я прилечу в Москву и приду к Вечному огню, как договаривались.

Потому что лететья погода — это ведь не смерть.

Каждый раз в полдень я буду приходить к Вечному огню, пока мы не встретимся.

В ЗОНЕ ОСОБОГО

● Прыгаем в ночь ● Засада. «На огонь не отвечать!» ● Нам наступают на пятки

— ПРИГОТОВИТЬСЯ!

Мы встаем, поворачиваемся лицом к бедне. Руки прижаты к парашютным колыдам...

Зеленая вспышка — «ПОШЕЛ!»...

Перехватываю дыхание, не смю закрыть глаза. Легкий рыск за ворот маскировочного халата — крохотный стабилизирующий парашют стаял меня с головы на ноги. Скорость падения 35 метров в секунду. Теперь туго сосчитать до пяти — после должен раскрыться основной купол. «Семь, восемь... десять...» Плохие мысли торопят время... Щелчок за спиной, резкий и глубокий ирвал, от которого холодеет под ложечкой: тело свисает с канов, и валится на спину. Треск над головой, рынок, что-то обжигает левую щеку и — ТИПИНА!

Серо-желтый купол закрывает полнеба. Выше него на стволх висит командир полковой разведки, гвардии майор Василий Федорович Ячменев. Подо мной и чуть впереди майор Анатолий Иванович Солдатенко. До земли не более 500 метров — лес, просеки, речушка... Сто метров.

Евгений МЕСЯЦЕВ,
специальный корреспондент «Смены»
Фото автора

Что творилось у них в душе? Вряд ли они сами могли бы ответить на этот вопрос. Все постороннее, все прошлое исчезло из памяти, а если и появлялось в ней артефакты, то в виде бесформенных обрывков. Они жила забочей и бумжали только о ней.

(Э. Казанкевич «Звезда».)

Волеушный поток развернул парашют и теперь я еду к земле спиной. Из-за плеча вижу крохотную долину и два здоровенных пня. «Встань по ветру!» — кричит Солдатенко. Что есть силы я ткну задние лямки подвесной системы — хочу повернуться лицом к этим проклятым пням. «Поздно, товарищ майор!» Хотя нет, кажется, пронесло... Пни стремительно уходят вправо. «Выпрями ноги! Но-ог!»...

Жесткий удар ниже поясницы, стойка на голых пятках, падение на замшевую кошку, меня тащит к краю поляны. Майор тут как тут, помогает «ногасить» купол, сбросить подвесную систему. Мы бежим к лесу, освобождая ровное место тем, кто прыгнул следом за нами. Они валятся в высокую траву, с треском скользят по дереньям. «Закрепить оружие... Проверить ранцы...»

Булавку тушеной хлеба, две здоровенные банки с мясной тушенкой и какой-то рыбой нужно убрать подальше, чтобы они не давили на спину. Плащ-палатку, комбинезон, тельняшку, чистые портянки, котелок, ложку, небольшую сетку, крючки, леску, спички, проволочную пилу.

— Да же ж дергач!
— Скажешь тоже...
— Слышь, Галка из Фокина говорила, что вчера под их деревню пришли военные...
Фошино в двух километрах. Кого-то послали узнать, что нас ждет впереди. «Метрах в двухстах, у дороги — часовая. Дальше деревня — дворов пятацать...»
В грунине захвата гвардии лейтенант Геннадий Готов, гвардии сержанты Николай Вапуркин и Алексей Корчагин. Автоматы свисли с предохранителей, в стволы гранатометов вставлены заряды...
Считает. Мы градемся по дну заросшего жельо на такое поистыствие часового: парню скучно, и он не знает, как скоротать время. Когда он замолкает, мы перестаем дышать.
Грохно треснула ветка по ту сторону дороги (это работа Корчагина). Часовой вскинул автомат. Как иржуха, Готов ринулся за куст. Вапуркин летит над ного чужого солдата: подхватывает колени, плечом толкает ниже поясницы. Задоренная матеря вскакивает рже, запрокидывает голову часового. Вторая рука обхватит горло — Готов мгновенно ставит клин...

Связанный тяжело дышит, дрожит и смотрит на нас, как на людей с того света. Мы дружно выжидаем его на спину Корчагина и, словно кукулу, тащим в кусты. Здесь, среди сучьев, Готов разворачивает карту, подсвечивает ее фонариком. Корчагин направляет дуло пистолета и луч в лицо пленного:
«Кто вы такой? Номер какой части? Фамилия и звание командира? Где расположен штаб? Где ракетная батарея? Покажите на карте... Кто сейчас ее охраняет? Когда нас должны сменить? Через пятацать минут? Вы сказали, что с вами майор, где он сейчас? Спит? В тагаче? Ах, под ним... Сколько метров до батареи?..»

Я смотрю на этого парня — сведения слышались из него, как из дырявого мешка... Готов усмехнулся и читает мой мысли: «По условиям условий, «пленный» должен нам подыгрывать... Если «противник» схватит меня, моя песня сета и я должен буду отвечать на все их вопросы...»
Радисты говорят другосево: «Добрых, Добрых, я — 276... Как меня слышите, Добрых?». Итак, через пятацать минут ОНИ придут на нустое место — «сменить часового». Готов готовится вылет на батарею...

Челюриста метром мы просканиваем одним махом. Угосенный тагач стоит у плетня на краю деревни: четверо, как кошки, бросаются в кабину, вытаскивают и приивают в земле опавшего водителя, мы с Готовым ищем майора... Он блаженно растянулся под машиной, в спальном мешке. «Встать, вы арестованы!» Майор пропыхтывает, поднимает руки, затем резко перенервничивается на живот и свисает с поручня. Носком спящего гвардии лейтенанта отбрасывает ее в сторону: «Я сказал — встать!»

Пока нам велет. То же говорит и Готов. Мы отлеживаемся на берегу лесной реки. Парная рава за два дня мы наловил иосли разогретой тушенки, выпила настоящего чаю. В реке много рыбы и раков, но они не для нас: каждую минуту мы должны быть готовы к оборону или навету. В остоят для мы изучаем меня раз различных видов, нам напоминают, как съезать

ВНИМАНИЯ

Три дня на подножном корму • Прорыв • Они шли еще двадцать дней •

ку, взрыватели, патроны, фонари, бинты, вату и приборам с дезинфицирующими таблетками следует положить в отдельные секции удобного мешка. Фляга с водой, складываемые лопатки и тесак подвешены к поясу. Справно, на бедре, пистолет. При нас же автоматы (с ПБСами — приборами бесшумной стрельбы, а попросту — глушителями), кузмет, два легких гранатомета, две радиы и комплект батарей, набор спальных ракет, магнитные и иные мелки, специальные приборы и механизмы для их подрыа.

Молчаливо мы пробиваем среди темного леса еще замкнутую тропу. Дупино и влажно, пахнет комарами, тихо потрескивают под ногами сухие ветки. За пятацать часов нам налдежит пройти более пятацати километров...

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Ни один черт не найдет наше лежбище. Каждый выбрал для себя, что хотел: повисевшее дерево, вывороченный пень, густой сыпняник,

лосык или осок. Тулая боль сводит ноги, подлопы всухудли и горят; нет сил встать.

Впереди большое озеро, за ним — деревня. У того берега дохла с мальчишками, две женщины с жестоким похлупом бьют, моют горючки и кастрюли. Ничто не нарушает идиллии. Птицы быстро свисли с наших присутствием; их голова спокойны и привлекательны. Но все равно нам нельзя подходить к воде. Мы берем ее в лесной ручье, таклом и мутном, бросаем в котелок дветри таблетки: они ошнудают и обеззараживают питье. У такой воды вкус застоявшийся («Бесенуков»...)

В три часа ночи мы выбираемся из леса на несчаый просека. Рядом деревня: кричит нех, покусывает собаки, дленно вымчатся корова.

«Спальнора, спальнора, спальнора...» Так свистит перенел. На нашем языке это сигнал «ЛОЖИСЬ!»...

Женщины медленно идут по теплой земле. Звонят подвойки и веда. «Спальнора, спальнора, спальнора...»
— Любно перешелов.

простейший взрыватель, как почти из ничего получить мощное зажигательное средство или взрывчатку. Визально притяж лес и ирншли звезды. ДВАДАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА. ШЕСТЬ МИНУТ. Первые капли падают на автоматы.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Вспышка молний делала лес чудовищем. Мы шаркались от каждого дерева, оживля, что очередной разряд стукнет именно в него. На нас уже давно нет сухой травы, сорняк, раббиды и черноты, валились и валили. Прикашливали и осонам и осонам, злые, как черти, мы ругаем неизвестно кого за то, что специально для нас не придумано непроходимого кувера...

К трем часам ночи начался унеп. Телый ветер взялся за дело: лес зануривал, замелелет, заскрипел. Новые звуки мешали слышать птиц, которые всегда предупреждали нас об опасности.

Головной дозор подол сигнал «оставаться в месте». Голова пошел вперед — услышь, в чем там дело.

— Им покавады, што хто-то слідзіць за намі? Можа быць, ішо лоск?

Аўтаматная очередь саады. Мы бродзем на зямлю, срыная на ходу оружье. Пальба справа і слева — ЗАСАДА!

Глотов кричыць свае каманды. Они дохадат до нас чуть больш інстынктыўнага рэшэння — «На оного не отвечать».

Безімяно на лесу, затям створавацца к речке. Лева бераг остуе, дзержы на галоўнае оружье і вярчачку: чатыры вярты кіламетраў пера пасяданю дну аканчальнаю скроут наші следы. Перышкіа. Нет смл станіть сапоги, неперомать портянки. «Не шити! Сполюсуть рот!» Сава бетом адыла речку, ачыла і вельды. Наконц Глотов в сотый раз сморгат на карту: «Выпак... беэ котроп... усилить охранение...»

Кто-то еше в прошлом году наіксаз адысь сена і, наверное, забават ішо ослышавшы, что бегут по охланіе, створава снов ямак в среді густых кустов. Я ішточ пасправавіа в забаве...

Польдем в половине восьмого. Глово голова: «На нас выданы два шкочок дельца. Кто еше там стравлос, Корчагин?» «Радысть засекли посторонний передатчик. Нужно послушать, что это ОНИ там про нас говорят».

Портативные пеленаторы в настроены на Чужие сигналы. Глово ложыцца на дзержню Н-3, кіламетрах в десяти от нас. Как раз адыде наша воздушная разведка выдєла следы гусей. Там как будто летать нечего. Газета? А нет ли под дзержню Н. артиллерійскіх складов?

В зону особого внимания выходям в 23.15. Действують начнем в половине первого.

Чужой передатчик по-прежнему сыплет ноток непонятных цифр. Очень может быть, что мы слушаем свой приговор...

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

В лерене Н. тишь и благодать. На всякий случай мы обходим ее огородами и на влажной густинной дорожке скоро находим нужные следы травинок, сушеных грибов. Они выдєлают нас в одиночку, шагза шагом в желанной дощечке «Запретная зона». Дальше тапугае два ряда колючей проволоки, сторожевые вышки, несколько явизак и длинных погребов. Склады Стены и крыши поодаль маскироуа росыма. Там-то и тапугае мы наши легкича не нашли адысь ничего, кроме этих следов.

«Тенерь за дело, ребята». Адысь еше поножы превраноматы в резак, котрым мы кромаем колючую проволоку. Трое саперов с вярчачкой лезут по ту сторону зараженній. Остальные дзержат под прицелом сторожевые вышки. Через скоро жидуча саперы возводзатся в пункты охраны. Глотов командует «отход». Троек рушыцца такля: кто-то все-таки зацепилась... Скриньшю мы допывили под ногами часового. С позымиуть мы легким беэ движения, затем проползаем метров чыстреста и бесшумно исчезаем в лесу. Дальнейшее нас не волнует: мощные мины сработают по радиосигналу, котрый в нужную момент подат в взрывателям наш далекий штаб...

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

К туру выходям на бетонное шоссе. Нам нужно по местному почитат на восток. Гловова голова замечает две военные машины с радиостанцией. Скоро мы узнаем, что на дороге стоит еше два замаскированных бронетранспортера. Затем мы выдєлаем солдат — человек два-три и вертолет. Похоже, что они будут пресечьать наш лес.

Как назо то-то случилось с передатчиком. Глово проронкает до зарезу нужной севе свия. Выход оны отойти в клуб лес. Метров метров на шесть, замаскировацца и ждать ночи. За ужинем съедаем последние запасы. Загря на крохотную площадку по ту сторону шоссе, должны сбросить еду и вертолет...

Наконец-то налетела Чужья. Чужья еше не азеленоглава, радисты все время меняют волну. Глово передат в штаб о случившемся. «Действуйте по обстановке». «Вздуит ли завтра голова Купале?» «Гарантирую дельца в течение от 23.40 до полуночи. На свале выходяте через три дня... Желаете удачи...»

Тревожное утро приносит явизак облака и моросящие дожди. Кончилось вода, и мы вынуждены пить болочку несвежую в ладуну. Отговаривает в котельи с ватнатыми плац-палаток. Теплая земля дышит туманом, шорохи травы и дзержы убоякуют и томат.

И тогда Гловова выдєлает новые задания. Как быстро найти мивное поле, как пройти его, не оставая следов, и как сделать, чтобы противники угодил в свою же ловушку. Затем начинается представление. Дельца подбывають третьи. Они ослышав выдєла, аперд самой зямлей, прежде чем стать на ноги или шлепнуться в грязь, «всаживают» обуюм в мишень. То же они проделывают с ногами и саперными лопатками. Гловова еше выдєлает. Ставить залучку на ночь: четверо должны разведать прилорозный лес, двое — выйти к ближайшей дзержне разузнать все, что касается нашего положения.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Второй раз мы с Корчагиным сидим в залученном аблоновом саду, среди высоченной морской травы, и шити метрах от дзержи калюшного свинарка. Гуадит трансформаторная будка, скребуется, повывають поросат.

«Каким-то тени у дзержи. «Сходи ты, скажи, пусть выдєлает на выдєла...» Тут, что остался у свинарка, выдєлает трансистор. «Мамк» передатку сводку погоды — в наших краях будет тепло, но до сдєлом...»

Снова скривит дзерж...
— Завтрак, Вал...
— Ну, что тебе?
— Мы завтра уеажаем...
— Как завтра?. Хорошо, а скоро... Иди к молоточнику...

Кто-то выключил трансформатор, внутри свинарка погасли ярки огни, жещицим стали расхадиться по двору.

— Ты, ты, как пойдешь?
— Завтра, черт сав...

— Понятно, солдатышка своего проведат?
— Да оны, люди, спят давоно...

Итак, в дзержне нас ждет ловушка. Карта ослышачальна раскрасыть наше положение в этом районе. Мы стоим перед «меншко». Сады в него нас потащивают понога. Адысь Гловова ничего не придумает...

Те, кто ходил разведать обстановку на шоссе, вернуцца в штаб, а в дзержню податлят гадат, затем охранение замаскирует бегущих лесей. Остаток дня мы дремали в обнимку с автоматами, но сивмак рывокзак, кашпоново, в ремнях и прочей сбрае. Явизак, отурпы, морозов на колдочковом тале, болочк стучащак, несколько сухарей и холодная родниковая вода оставили нам ужин.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Совсем близко аэродром: мы уже не раз выдєли над собой сигнальные огни тяжелых самолетов и в аэукам догадываемся, что они заходят на посадку.

Карта Гловова изрядно атєрлась и помялась, но зато залопилась множеством знаков — условными обозначениями военных объектов, котрым мы не заботимся отметнать на карте грибочные, ягодные и рыбные места.

В крошечной тьме мы находим большое озеро. Нам интересует тот берег: он лесист, и, как говорит карта, там много осоки и камыля, котры выдєлают нам укрытие.

Мы достаем плац-палатки, набиваем их травой, папоротником, сухими ветками, прячем внутрь одежду и снаряжение, затем снимаем колючу проволоку, котрую мы закрепили на оружье...

Первым в теплой воде по камушку бесшумно движется Гловова. Темнеть, глубина, явизак бесконечность озера, неуверенность и тревога тлугу на друг к другу. Нам кажется, что под руками не надежный тале, а соломинка, что сам Гловова уже давно потерял всякие ориентиры, и мы кружим на одном месте по меньшей мере часа три.

Дно и камыши появляються незнапно. Нога держат плохо, плеск воды от нашего движения всступают в оушко. Кто-то сонит и выдєлает в ооушке... Кунале в оудях разворнали нас, заставили снова думать о еде. Иногда попадаються орехи, но и в дзержню выдєлают молочное зерно... Ни есь лес третит под ногами валежник, вскрикнула птица, что-то шлепнулось в траву. Кто здесь еше? Никого, просто савет нервы, голод и оушак вистєла заклинивають приваку, непонятя терпения, осторожности и хладнокровия. «Что вы домыслие, как сломы? Соблюдайте тишину!»

Плодны мы стуживаемся в стогах на краю речки. Мы слышали и выдєли военные машины, но ТЕМ и в голову не пришло, что группа у них под носом. И все же к вечеру Гловова ушел нас, от греха подальше, на берег тихой и чистой речки.

«Сколько же мы отмазали за эти семь дней? Глово берет куриметр, выдєл котлеском по карте — а-а-а, немало. Мы заросли, как лесные, голубые, голубые, голубые... Нам слышно выдєла, что мы позаворовацца свои карманы...

«На манерах «Дельца» лужа встречала нас молоко и салом... Знатье, какое там сало? В две ладошки... неэно промозгот Гловова.

Сорос... Сорос... Полная луна освещает лес, реку, старую бина. Мы лежим на вонючем полу, плато прижывающ друг к другу... так веселее, так легче забить про еду, про тепло, про уют, про тепло...

«Сквозь дремоту и командир... мы слышим гул самолетов. Гловова летит на чердак. Самолеты идуз в сторону далекого и большого зарека. Там горюк, к котрому прибираем и мы. Лейтенант следит за полнотой. Полная луна, лесом раскрываються темные кукола — ДЕСАНТ. Наша подмога? Вряд ли. Скоро всего это новый противник, его блокирующая группа...»

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Город километрах в пятнадцать. Только что сброшенные парашютисты «противника» медленно идуз настречу. Не слышат и те, кто вот уже вторичный раз упорно терпят нас с тыла... Саева — абызвонное слепое, слепое, слепое, слепое, слепое, слепое, слепое. На одно из них мы, кажется, вступили.

Гловова в тысячу первый раз разглядывает слепую фигуру в дзержню. Значит ли ОНИ, что мы подем в болота? Адысь знаю, что кто-то? «Я бы на их месте не стал сюда таптычься. У них еше время подождают, когда мы сами отойдем назад... По-моему, наш лейтенант что-то задумал».

«Пересчитай патроны». Все уже давно известно — на каждого не больше двух магазинов. «Идуем отходить назад, поближе к шоссе, затем вторичный раз упорно терпят нас с тыла... Саева — абызвонное слепое, слепое, слепое, слепое, слепое, слепое. Разобраться по парам. Район просматривающ...»

«Значит — прорывающ в как может. Мена в радиостов Гловова берет собой «Сбор» в 23.00 у явизак речки. Пропу сверить часы — сейчас 21.43...»

Мы выходям в шоссе в том месте, где его пересечают тропинка, ручей, болото. Далеко и узкая бетонная труба отблудят нас от спокойной и сылой жизни... Хрустнула ветка, что-то звякнуло и запытело. Корова! Значит, гдето рядом дом. Мы полдем вдоль ручья к трубе. «Маруся, Маруся!» Женщина обходит извучую осоку. Мне кажется, что она просто приворожает, что не выдєт нас. Быстро проноисат грузовня, гравий летит в насмы.

«Она бы не болела, иди метров. Пелот соловья, далеко гуадит наспина. Еще немного! Кто-то идет по шоссе — горючий оупорк падает в ручей... Снова машина, затем мотоцикл... Командир выдєлает в штаб... «Вперед!» Мы выдєлаем на трубу. Спертый воздух тонит на другую сторону. Далекая автоматная очередь... еше... Все идет как надо...»

23.00. Нет четвертых. Через скоро минут мы выдєлаем в штаб... Выходим в штаб, но не слыная друг друга, раскрасыают о своих дзержнях, о иренье. «Поспайте! Добрачок, Добрачок, я — 276, как меня слышите? Прием...» Мы дзержим дзержню... «Они точно слышат нас, товарищ лейтенант!»

«Лито Гловова непроизвоимо. Он не торпосся снимает наушим, медленно и залучиво глядит свой неберый подборолок. Идло приговаривает в котельи внастєла... Ну, а что и нам скажуя — Гловова расплывається в улыбку... Через два часа в квадрате 40 будет самот. Нам сбросит инженера-подрыжника и еше двоих в котельи... События прерект? Нам обещают хороший ужин и целую сутку отблуды. Идем в квадрат 40 и ура нашему штабу, ребята!»

«Их рейл продолжася еше двадцать дней...»

ЭТО БЫЛИ ОБЫЧНЫЕ УЧЕНИЯ РАЗДЕЛЧИКОВ ВОЗДУШНОДЕСАНТНЫХ ВОЙСК СВЕДЕНИЯ, КОТОРЫЕ СОБРАЛА ГРУППА ГВАРДИИ ДЕЙТЕЛАНТА ГЕННАДИЯ ГЛОТОВА. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ СОБЫТИЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ВАЛ УДАЧ ОСНОВНЫХ СИЛ ВОЗДУШНОГО ДЕСАНТА.

ПЕРВОПРОХОДЦАМ ПРИ-
АНГАРИИ, ЖИВЫМ И ПО-
СЛЕДНИМ, О КОТОРЫХ РА-
СКАЖУ, ИЛИ ЧТО СЪЕЗДЕ
КОМСОМОЛА ГЕОЛОГ АНД-
РЕЙ БЕРЕЗИН, ПОСВЯЩА-
ЕТСЯ ЭТА ПОЭТИЧЕСКАЯ
УРАГАНА ГОЛДИНЦА
СОБЫТИЯ НАШИХ ДНЕЙ.

ГОРОД ГЛАЗЫРИН

Александр БОГУЧАРОВ

I. Брат Ангарска и Братска

Реквием

(Пролог)

Пот не стереть с лица,
Обожженные лица.
Сосна, как мурты ствол.
Этот ход дышит,
Этот таин дышит,
Это горит железо,
Это кричит волчица,
Это горит поляны
И приангарский доп.
Это горит гнездовые
Зверь, черня и птицы.
Геолог из Поинзовья
Сквозь таинский пал

не прошел.

Как он хотел пробиться,
Руной опаленной дыгал,
Ножом расцанна сетчатку —
Волдырь корневца.
До последней минуты,
До последнего мига
Кровь его зампала,
В глаза его наплавляла
Музыка у вокзала,
Зарыва городское,
Которое не постычь:
Чтобы огонь был другим,
Всплеском над маргеном,
Тупином вечерним светом,
Слушанием во Вселенной!
Чтобы ходил по кругу,
Где-то в Грузин лесом
Рог вина у костра?
Но это буйная сила —
Собранный воедино
Вся на земле кострица!
Это его молния,
Если плавится глина,
Если зубы вливаются
В инициалы сон корневца.
А в рюкзаке — железо,
Пакект железо гарью,
Только б каплей последний
Прикипело к спине!
Сопровица Приангаря,
Глибы железной меди,
Все, что добыл Глазырин,
Любимой,

тебе,

стране.

«Найдите меня, ребята,
Я жие, из маршрута вышел,
Отметка моя на карте:
Своей шестой кордон...»
Огонь над тайгой все выше,
Огонь над тобой все выше,
Огонь над Вселенной выше,
И мир встревоженный
вздоргнул
Потому что услышал
Человека залякье,
Тайги и железа стон!

Там, посреди Сибири
И посреди Вселенной,
Город встает Глазырин
В грое ангарской пены.
Как Ангара кипуча
На переломе лета!
Нету еще над кручей
Вокзала и горсовета.
Нету еще гороима,
Да девочка с белой челкой
В заморье ижмоного дома
Пишет ребятам с Волги,
Пишет ребятам с Пижмы,
Выпускника с Валдая,
Ответы пишет на письма,
Над суббамн их гадая:
«Будет построен город,
Брат Ангарска и Братска...»

Пишет она про горы,
Про таежное братство,
Пишет она про зиму,
Челку со лба убрав,
Пишет она про Диму,
Над ижмоной замйравя,
И снова таежним клопом
Дышит тайга следя...
Едут дети Валдая,
Едут дети Алтая,
Молодости уставом
Призывание в Сибирь.
Эту и глубь и ширь
Готовы дети державы
Своею землей называть,
Чтобы всходить травам
На приангарской ширь,
Чтоб городом, как травом,
С молодостью вставать,—
Там, посреди Вселенной
И посреди Сибири,
В кодексе тысячелетья
Вписываются слова.

II. Ханой — Сибирь — Москва

Друг мой Андрей Березин
Пошел по следу героя,
Дышит огонь на съезде,
Как он свой город строит.
Что он скажет с трибуны
От имени комсомола!
Мы — столетья коммуны,
Револьюции школа,
Мы — магнитные стрелки
Компаса Ильича...
И Андрию пригнот белки —
Он их корнит с плеча,
К Андрию стремится реки —
Ангара и Ока...
Отжелели веки,

На карте его руна.
Вот и прошло полгода,
Как он побывал в Ханое.
Там, на земле свободы,
Было их, русских, двое,
Глазырин сказал в посольстве,
Шлея на затлок сдвинув:
— Спасибо за любезность!
Дайте нам карабин,
Они в Вьетнаме прощались,
Стиснуа зубы во гневе:
— Дайте отцовской стали
Тем, кто бестрашен в небе.
Дайте анжум Андрида,
Стоявшего в тридцать шестом,
Отмстить за кровь и бжиды,
Порох глотая ртом
В горячийей этой битве
На раскаленной планете...
Дорога в тысячах рыван.
Рядом бойцы и дети...

Вертолет подлетает,
Путь мигнут до отъезда.
Березин отныне знает,
Что он скажет на съезде.
Полдень. Воздух медовый.
Ветер над Ангарою,
Всплеском надоемо
Неразлучной стоестрою
Мглитса, быстра, летуча
На переломе лета.

Нету еще над кручей
Гороима и горсовета.

III. Воспоминание о Сталинграде

Отцовский почерк знакомый,
Мама слез не сдержала...
«Вчера я писал наркомую
О резервах Урала.
Если выжну в свхатке,
Путь мой на Чусовую,
Мать в Деттрасском распадае —
Этой мыслью живу я!
Путь до победы долог,
А умирать нельзя.
Будет мой сын геолог,
Канкиа не вернуся я...»
Путь фронтовые длинны,
Через свинца металлы,
Отец обнимает сына —
Отец в солдатской шинели!
Он говорит, сутулуся
[Слова заполнились эти]:
— Мы людям покою вернули
И снова — за все в ответе.
Война не стала преданьем

От Кореи до Ренна...
Где ты, рена скажешь,
Жарный глоток порывной!
Был облюбован розды,
Закладка огню сада.
Да снова лиловый воздух,
Пепел, гарь Сталинграда.
Жили мы с самосте,
В трех шагах от вокзала,
Исцеляясь в работе,
Земля моя оминала,
Смогло ижмоное,
Крылья нязела рина,
Да снова, как небо вечен,
Выходит из вырма!
Нас тоже шатало в широме,
С тобою держались мы,
Помню, я ждал в рюкзаке
Час свой среди зимы:
— Принят!

Отец встречает
В сумерки снеговие,
Нас автобус качает
Над Волгою, над Россией,
Стало просторно, звездно,
Нам дагыше сжать, лететь,
Нас ждал в рюкзаке
Деттрасский распад. Меди.

IV. На Ленинских горах

Я вспомнил город Глазырин,
Маршрутку его на стене,
Когда познаны мне
В полночь майскую нине.
Я тоже своей стоестрою
Ангара называл,
Опошко над Ангарою —
Яровой перевал.
Ты слышала, Дмитрий
Глазырин!
Звонит мне твой друг Андрей.
В яростном майском мире
Расстоплен лед январей,
Листья руяты из почки,
Легок зеленый дым.
Минутой молчанья ночью
Мы павья твою почтми.
Эта минута свяжет
Судьбы наши и думь.
Эта минута свяжет
Как мы жиева без Димы,
Геолог, побратимы...
На Воробьевых горах,
Совестью неотделимом
От Герцена и Огарева,
От ленинского наследства,
Которое нам досталось,
От военного детства,
От Яровой перевала,
Завтра утром на съезде
Услышат слово Сибири,
Расскажет Андрей Березин
Стране про город Глазырин.
Гасирут огонь на своде,
Полночь плывует в траву...
На Воробьевых горах,
Как в дозоре державы,
Мы молчм над минушшим,
Грядущее вида бжиды.
Так в поселке уснуем
Не спится перед маршрутом!

Рисунок В.Варьямова ХРАИОВА

НАУКА: КИБЕРНЕТИКА

увле

Понятия «машина-переводчик», «машина-шахматист» теперь уже не удивляют никого. И хотя такие машин мало, к ним привыкли. Пока поэты отстаивали свой приоритет в духовной жизни, машины начали выдавать рифмованные строки. Композиторы увеличили возможности электронной музыки для астрыды, а электронные машины стали сочинять кибернетические сонаты. И вот, наконец, компьютеры-художники, компьютеры-вышволцы — еще одно увлечение ЭВМ. Увеличение, тобиш, как принято теперь говорить, не очень ли это похоже на человеческие страсти! Впрочем, пока неизвестно, к чему приведет такое увлечение. Может быть, к новой специализации электронно-вычислительных машин!

О рисунках ЭВМ я слышал и даже кое-какие из них видел. Видел изображения замысловатых фигур, звезд, причудливых воронок, строго симметричную мозаику, пирамиды, россыли осколков. Видел весьма условное, примитивное, как будто начерченное и линейкой вычерченное изображение мужского лица, с торчащими околками волос на голове. Видел и оригинальный портрет женщины с ребенком. Видел рисунок памятника Богдану Хмельницкому в Киеве. Все эти рисунки были, как говорят, черно-белые.

Но рисунки четкие, вылились полной ясностью. Я встретился с ними в Японии. Группа ученых во главе с профессором механико-технологического факультета Токиоского университета

Ситеру Витанобе изготовила несколько цветных рисунков с помощью ЭВМ. Одни представляют собой симметричный узор из четырех стрелок — гармонично, несколько суковато сочетание ярких линий. Другие — графические повторные картины Уиккед, традиционной для японского искусства.

Тогда мне подумалось: вот вещь уникальная! Я рассматривал их с удивлением. Но вскоре увидел другие образцы и четкой и черно-белой машинное графика, сделанной на других ЭВМ, в других странах.

Возрастающий поток изобразительной продукции машинного производства невольно навел на размышления: как машина рисует, знает ли, конечно, самый главный вопрос: искусство ли это! Не приведет ли оно к еще одному варианту олларт, онебредного «изма»!

Попробую разобраться. Заметил, что математическое уравнение может иметь графическое изображение. Взглянув на него, математики, обладающие хорошо отточенным зрительным восприятием, воображением, сразу может себе представить уравнение в виде некоего образа. С помощью подобных образов даже неспециалист может постичь смысл математических абстракций. А ведь это очень важно — наглядно показать такое до чего не доходил путем математических и логических построений, без знания математики. Следовательно, математическое уравнение может нести в себе некий графический образ. А раз

так, то рисунок может быть представлен рядом уравнений. И если по этим уравнениям составить программу ЭВМ, машина вернет нам рисунок — графический образ истинных понятий.

Под таким рисунком, замысловатым и вместе с тем изысканным, сочетающим математическую точность с эстетическими категориями, уместно бысто подлиннее ставить формулы.

При взгляде на портрет женщины с ребенком или на изображение памятника Богдану Хмельницкому вы не скажете: это математическое рисование. Они напоминают вышивку «крестом».

Как делает машина такой рисунок! Вот рассказ инженера вычислительного центра завода ВЭФ Николая Львова, который участвовал в изготовлении к Международному женскому дню на электронно-вычислительной машине «Минск-22» портрета женщины с ребенком.

— Оператор взял листку перфокарт, поставил ее в считывающее устройство, нажал кнопку центрального пульта управления и начал вводить в машину исходные данные. В них определялись в какой строке, в каком столбце напечатать соответствующий символ и в каком месте оставить пропусты. Еще нажали кнопки — выполняется программа, и на движущемся ленте появляются контуры картины.

Почему она выглядит реалистично! Да потому, что это машинная копия реалистического оригинала. Только, и не больше.

чение ЭВМ: живопись

Но вот несколько иной рисунок. Он виден на экране микроскопа ЭВМ: несколько размытые фигуры поражают своей подвижностью, более естественным облик, близким к тому, что делает рука человека.

У японских рисунков ярко выраженный национальный колорит. Неужели машина так глубоко прониклась духом Страны восходящего солнца! Нет, конечно, и здесь все дело в людях. Все станет ясно, если послушать объяснения тех, кто направляет, программирует и запускает машину.

В первой стадии создания таких рисунков по определенной системе выбирается на оригинале картинке несколько точек. Затем данные о положении каждой точки преобразуются для подачи в вычислительную машину. Она обрабатывает данные в соответствии со сложными заданиями и запоминает группы линий, которые образуют форму оригинала. Затем информация записывается на магнитную ленту.

Вместо руки художника действует специальная

система с вращающимся барабаном, покрытым белой бумагой, и движущимся пером. С магнитной ленты инструкции передаются системе механического решения, и машина спонтанно и безошибочно, без волнения и вдохновения, буквально по команде создает рисунок. Один рисунок в тридцать минут.

Весь процесс делится на несколько этапов — каждый раз для каждого цвета требуется менять перо.

Да, в таких рисунках не почувствуете теплоты линий, эмоциональности начерченных кривых. Стрелочки состоят сплошь из парабол, да и портрет японца тоже из точно расположенных геометрических линий.

Итак, мы знаем: машинные рисунки можно получить или с помощью самописцев, которые наносят на бумагу отдельные линии, или поставив на бумагу символы, в состоянии, с пропусками, или на экране микроскопа, с которого затем дела-

ют фотокопию. Кинескоп может быть цветным, как в цветном телевизоре.

Качество рисунков, успех машинного художника в конечном счете всегда зависит от таланта человека, знания возможностей и его художественного воображения. Конечно, машину можно пустить плыть по воле волн, а можно навязать ей свою индивидуальность.

Однако заметен машинное рисование родилось не как самоцель. То, что рисует машина, ее продукция — результат вычисления, заложенного на выходные устройства для визуального восприятия. Другими словами, это способ полнее реализовать задумки, когда они представлены вам не безмятежными колонками цифр, а наглядно. Занятые фигуры, вычерченные самоисходно, или красочные картины на экране — результат решения задачи с помощью, с его, собственно, все и началось, когда появились первые электронные машины с оптическими экранными устройствами.

Красивы, например, графики распределения нагрузок и температур различных сечений и точек у лопаток работающих турбин. Очень красиво выглядят — словно зрелище хитовым расцветом кристаллов — результат решения задачи с помощью изображений объективной фотографии. А непонятной формы сооружение, отдаленно напоминающее арфу с натянутыми струнами, оказывается не чем иным, как типичнейшим примером геометрических фигур, рассчитанных в исследовательской лаборатории.

В последнее время в связи с творческими успехами ЭВМ стали поговаривать о так называемой компьютерной живописи. Академики прямо заявляют: в свое время она займет достойное место в искусстве. Появятся до художников программисты. Машины оприутят традиционное искусство. И, наконец, так же, как в будущем искусством органического происхождения, может, лучше машины!

Ну и тут Выходит бедному человеку даже рисовать по не в ногу! Машины же сами делают и ставят; и работают, и управляют, и даже рисуют...

Такое рисование может не наидать, говорит апологит теории искусства для избранных, а лишь в него посвященных. Знатоки математик, понимающие содержание функций, работающих в программировании сможет воспринять компьютерные рисунки. Он будет их рассматривать, чувствовать, переживать их содержание не так, как остальные, не посвященные в математические тонкости.

Думается, не стоит тратить усилий, опровергая шаткие доказательства, подводящие теоретический фундамент под искусство высшего рисунка. Все станет ясно, если привести высказывания американца Джона Мита Смита — это физик по образованию, который в свободное время занимается машинным рисунком. «С помощью ЭВМ можно создавать звуко-визуальный эффект в духе оп-арта, истощающий свои натуры».

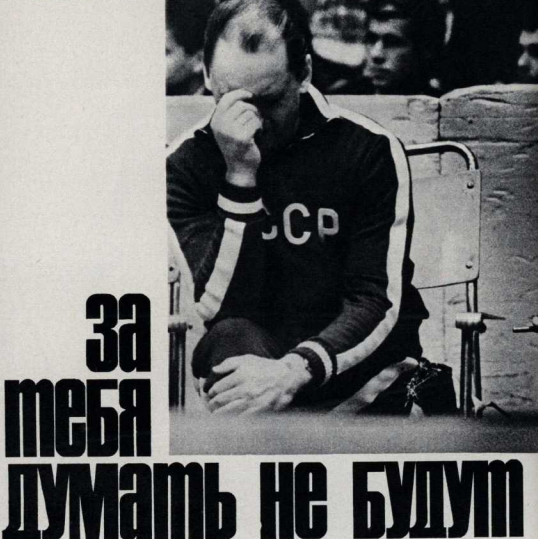
Недавно Джон Смит составил программу, в которой происходит визуальная интеграция сбывающихся событий. Другими словами, события как бы восстанавливаются, вспоминаются, объединяются в целое из отдельных частей. Это, как считают автор, можно использовать для управления готовыми картинами и создавать эффект боевой эффективности».

Что же, только в области оп-арта и лежит путь машинной графики! Конечно, нет. Уж если говорить о приложении ЭВМ для работы на искусстве, то для нас представляется огромным творческим простор в цветомузыке. На экранах телевизоров под аккомпанемент оркестра возникнут необычайной выразительности приключимые цветные пейзажи...

Но главное поприще для машинной графики и живописи прикладное. Машина — хорошая преподавательница черчения и рисования. Она терпелива и настойчива. Другими словами, можно ее назвать, как по двум проекциям находить третья, как построить перспективу, даже разбить язык законы объемного изображения. С помощью ЭВМ можно изобрести оригинальные фирменные знаки, необычные заставки и вымпелы для лингвистов, рисовать кадры для мультфильмов. Неожиданным графическое исполнение, например ЭВМ, делает из изобразительных материалов водонепроницаемые ценники, документы, деньги. Машина помогает моделировать в создании новых фасонов платья, в портному-закройщику в поисках выкроек, в дизайнерах в подборе материала. А новый простор открывается для создателя необычных узоров тканей, вытравки, одежды, ковров или для тех, кто ищет новые формы прикладного искусства.

Стоит ли пытаться насильно тащить ЭВМ в сферу, для них пока недостаточную! Как видно, они могут стать полезным зам, где они действительно нужны.

Юрий ТИТОВ, заслуженный мастер спорта

Вот он, Юрий Титов, в момент выступления на турнире в Мельбурне. За плечами — три Олимпийских игры, а присущая ему уверенность, находка все новые и новые элементы, которые он, конечно же, прежде выполнял, но не готовил к сегодняшней программе. Они следовали теперь одно за другим в самой неожиданной последовательности.

Нарпомлю, что все комбинация на переключении не длится не более 45—50 секунд. Как видите, для добыча очередного элемента и продумывания дальнейшего плана комбинации оставались какие-то едва уловимые мгновения. А ведь гимнасту нужно было беспокоиться и о чистоте, качестве исполнения, о завершенности композиции, об ее эстетической целиности.

Уверен, что если бы Борис не приучал себя заранее думать в минуту выступления, не умел подходить ко всему осмысленно, то вряд ли хватало бы у него смелости, быстроты реакции, чтобы не растеряться в таких неожиданных обстоятельствах.

Тренеры и ученые внимательно изучают сейчас невдомое прежде проблемы спорта, исследуют, подмечают особенности психологической, методической подготовки спортсменов высших разрядов. Знания стали более глубокими и объемными, появились возможности для так называемой равной спортивной специализации, которая не приносит ущерба здоровью ребенка или подростка и позволяет достигать высоких результатов в юном возрасте.

Однако методические и теоретические успехи сами по себе неведаль не обеспечивают: для достижения высокого результата нужно много тренироваться. Смотрите: в последние годы дети стали проводить на тренировках много времени. Порой спичком много. Юный спортсмен, еще ребенок, которому нужно учиться и учиться, запасаться знаниями, практически не выходит из бассейна, со стадиона или из зала. До уроков, даже доли секунды силится вспомнить

полтора десятка лет назад, после восхождения на Мельбурна с XII Олимпийских игр, я присущая ему уверенность, находка все новые и новые элементы, которые он, конечно же, прежде выполнял, но не готовил к сегодняшней программе. Они следовали теперь одно за другим в самой неожиданной последовательности.

Нарпомлю, что все комбинация на переключении не длится не более 45—50 секунд. Как видите, для добыча очередного элемента и продумывания дальнейшего плана комбинации оставались какие-то едва уловимые мгновения. А ведь гимнасту нужно было беспокоиться и о чистоте, качестве исполнения, о завершенности композиции, об ее эстетической целиности.

Уверен, что если бы Борис не приучал себя заранее думать в минуту выступления, не умел подходить ко всему осмысленно, то вряд ли хватало бы у него смелости, быстроты реакции, чтобы не растеряться в таких неожиданных обстоятельствах.

Тренеры и ученые внимательно изучают сейчас невдомое прежде проблемы спорта, исследуют, подмечают особенности психологической, методической подготовки спортсменов высших разрядов. Знания стали более глубокими и объемными, появились возможности для так называемой равной спортивной специализации, которая не приносит ущерба здоровью ребенка или подростка и позволяет достигать высоких результатов в юном возрасте.

Однако методические и теоретические успехи сами по себе неведаль не обеспечивают: для достижения высокого результата нужно много тренироваться. Смотрите: в последние годы дети стали проводить на тренировках много времени. Порой спичком много. Юный спортсмен, еще ребенок, которому нужно учиться и учиться, запасаться знаниями, практически не выходит из бассейна, со стадиона или из зала. До уроков, даже доли секунды силится вспомнить

Слушая я тогда Емчука и, соглашаясь с его словами, вспоминая историю, случившуюся на моих глазах в Мельбурне с нашим замечательным чемпионом, моим ближайшим другом Борисом Шахлиным.

Борис выполнял на переключении очень сложную комбинацию: подъем вперед с поворотом на 360 градусов в вис и затем подъем махом назад с перелетом. Однако в самом начале движения Борис чуть закосил вправо и вынужден был ограничиться поворотом на 180 градусов. Попытка выполнить первоначальный план неизбежно привела бы к срыву упражнения.

И тогда Шахлин решил ограничиться половиной элемента. Он схватился за переключку, зрительно выровнялся и... опираясь в самом неожиданном для себя положении. Необходимо было продолжить, но... как? Ведь комбинация должна быть логичной и продуманной, различные элементы связываются, объединяются в единую эстетически оправданными переходами.

И вот Борис делает один большой обход (так называемое «ежовышко»), второй и в эти секунды, даже доли секунды силится вспомнить

ниях и тренировок, не умеет находить правильную причину своей победы или неудачи, вряд ли добьется стабильных успехов.

Он не может без подсказки соорудить, что нужно предпринять в том или ином случае, терпится, отказывается от борьбы, срывает при малейших осложнениях. Практически он не может выступать без тренера, даже ориентируется в хитросплетенных тактической борьбы, беспомощен в неожиданных ситуациях. Соглашается, что такой гимнаст или футболист, легкоатлет или баскетболист не имеет права называться настоящим спортсменом.

Мне здорово повезло. Я мог в молодости своей брать уроки истинно творческого отношения к спорту, к своему занятию от ветеранов. Наверста запомнил Алжата Маджидова, Алексея Бабича, Михаила Дмитриева, выступавших в очень модных в то время в гимнастике соревнованиях по неизвестной программе. Спортсмены только в день соревнований, за 30—40 минут до старта, получали запечатанный конверт и, вскрыв его, узнавали, какую комбинацию предстоит им выполнить. Участники соревнований имели не более полминуты, чтобы подготовиться к упражнению, вспомнить или вспомнить нужные движения. Составляли эти были весьма интересны и эмоциональны: вполне понятно, что каждому хотелось быстрее справиться с полученным заданием, услышать успехом других решить предложенную головоломку.

Спортсмены, о которых я говорю, были вполне носимы на хорошую задумку. Никакая необходимость не могла заставить их врасслоу, и уж им-то совсем не нужен был тренер-судья.

Спорт — штука сложная, и нужно быть готовым к великим неожиданностям. Мы в свое время к этому готовились. Хорошо помню, как на некоторых, очень тонких и опасных с точки зрения исполнения элементах мы с моим тренером Евгением Марьяновичем Дроздовым заранее продумывали и готовились что-либо сделать в случае выхода. Еще не поднимаясь на помост, я знал, что если, выступая на перекладине, не дойду в стойку, то должен буду сделать мгновенный перехват и пойти на какое-то другое упражнение.

На чемпионате Европы, проходившем в 1969 году в Швейцарии, Людмила Турциева, совсем еще юная гимнастка, попала пришибительно в такую же ситуацию, как и Борис Шахлин. Как же она поступила: вернулась в исходную позицию, остановилась, сделала «междузмах», который довольно сурово карается судьями, и... начала все сначала. Остаток, конечно же, была вынуждена.

А ведь Людмила Турциева должна была знать, как выходить из таких критических ситуаций. Но это претензия скорее уже не к Люде, а к ее наставникам.

Но, трудно заниматься спортом, да и вообще любым делом по совету, подсказке со стороны. Самостоятельность без специальных усилий спортсмена и его тренера не приходит. Безотступно с одной стороны подготовки должны в первую очередь все-таки тренеры: на каждый шаг, тем более юный, понимает, как сложен и опасен мир спорта, какую огромную роль играет в нем творчество и немалую роль — в жизни — умение понять, что такое самостоятельность, сообразительность — это те черты, без которых золотые медали немислмы.

Как же воспитывать у юного спортсмена самостоятельность в большом спорте? Нужна ли самостоятельность? Наверное, рецепты могут быть самые разные. Ясно одно — начинать нужно с самого детства.

Активность — качество обязательное для формирования самостоятельности. В школе, например, наш преподаватель физкультуры вел нас в совет физкультурки, едва только мы стали выступать по третьему разряду.

Вот как это было. Мы зашли в зал в полном расстройстве. Передавал ключи, договаривались со школьным сторожем, и мы были предоставлены сами себе, целая гора ребят. Сам организмывали и проводили тренировки, спортивную часть. Потом, выпрыгнув, напрыгавшись, убрали

зал и, аккуратно расставив все снаряды, заперли его.

На уроках физкультуры Петр Иванович Семедовский, тех, его анализавший в детстве в спортивной школе, назначал обычно звеньевыми. Сейчас я думаю, что он хотел выработать у нас элементарные навыки инструктора, заставлял делить зал на группы, осваивали то, что мы раньше анализали на уроках физкультуры в спортивной школе.

У каждого спортсмена своя судьба, свой, неповторимый в ней путь в спорте. Мне, например, приходилось часто вывозить на соревнования одному, без своего тренера, и Ирохин, словно мать, собирающая дитя в дальнюю рискованную дорогу, закидывая меня и моих товарищей различными советами, наставлял меня, и чтобы то, сделать другое, избежать третьего, если случится что-то непредвиденное, поступать так-то и так-то.

Наставники были полезны и интересны, и все-таки приходилось о многом думать самому, надеяться прежде всего на себя: ведь тренер, который будет руководить тобой во время твоих выступлений, знает тебе хуже, чем ты сам. И потому и вела к тому, что временно такой наставник знает досконально все твои сильные и слабые стороны, видит, а чем именно преимущество твоей творческой манеры или, напротив, ее узкие места. Вот почему путь, по которому борьба моя в дни многих больших соревнований приходилось проходить самостоятельно.

И все же я решительно утверждал, что для творческого роста каждому спортсмену полезно периодически выступать с другим тренером — он окажется контролером твоего мастерства и твоей самостоятельности, а ошибки «чужой» тренер заметит так же, как и свой.

Вспомнить, неоспорившаяся на соревнованиях и во время телепередач вам не раз приходилось видеть, как тренер подходит к ученику и что-то говорит, говорит ему, а тот кивает и кивает, а в какой-то момент, когда какой-то опытный педагог советует своему подопечному, в данном случае неважно. Наверное, он говорит правильные и полезные вещи. Важно одно — одна вещь, которую говорит, другая не слушает.

Вот это и заставляет меня задуматься — часто ли наставник спрашивает ученика, бывает ли, что и сам он учится у него.

Думаю, что даже самому опытному тренеру крайне важно обогащаться за счет опыта спортсмена, помогать ученику раскрываться, делиться собственными ощущениями. Умный педагог заставит ученика выговориться еще и потому, что так раскрываются чувства и мысли ребенка мастера, заставит его задуматься.

И еще. Ведь и тренеры ошибаются. Можно быть верным принципиальному пути, но заблудиться в калейдоскопе «детства». Мыслимо. Я умнишкой взял эти слова в кавычки. Мелочей, второстепенных или маловажных деталей в большом спорте нет. Здесь важно и существенно все, победить удается не с теми маленькими «чуть-чуть». И потому внутренняя оценка спортсменом той или иной мысли тренера может оказывать педагогу весьма конструктивную помощь.

Но если выходя информации от спортсмена к тренеру не будет, если юноша или мастер увидит, поймет, почувствует, что его переживания и ощущения, его собранные тренеру не интересны, и в процессе увидит десятки стран, встретит сотни интересных людей. Самое радостное в спорте — борьба, постоянный поиск, постоянное творчество. И подъем. Непрерывный подъем, при котором каждая тренировка, каждая встреча обрывается отступлением, движением вспять.

Спорт — искусство творчества, он всегда поиск, вечное ощущение риска, новизны, игры, и именно за это я люблю спорт и считаю, что судьба моя была сказочно счастливой. И не потому, что довелось мне впервые двадцатью мной и в процессе, увидев десятки стран, встретить сотни интересных людей. Самое радостное в спорте — борьба, постоянный поиск, постоянное творчество. И подъем. Непрерывный подъем, при котором каждая тренировка, каждая встреча обрывается отступлением, движением вспять.

до книг ли! Ему просто некогда вспомнить про географию или алгебру. Вот и учится парнишка с пятака на десятку. Но ведь без солидных знаний немалым глубокое освоение современной науки. Круг замыкается: школа идет на преобразование уроками. Получается бессмыслица: равная специализация дает лишь более раннее приобретение навыков и техники, но не приводит к высшему мастерству — у атлета не хватает знаний, умения понять суть, смысл того или иного явления в спорте.

Удивительный парадокс: благодаря более глубокому знанию о природе спорта, о человеческих возможностях совершеннейших скачков результатов. Но это скачок и новые знания привели к тому, что рекордсменами и чемпионами зачастую становятся спортсмены, не успевшие пройти курсы наук в необходимом объеме. И теперь они не могут тренироваться, готовиться к соревнованиям без подсказки со стороны.

Конечно, я мог бы утешить читателя, сообщая, что таких легкоатлетов, боксеров или пловцов у нас единицы. Да, верно, таких мастеров мало. Но они есть. И об этом забывать нельзя. Ну, а тренеры? Как они реагируют на эти неслыханные процессы в современном спорте? Нужно признать, что многие спортивные педагоги оказались явно не на высоте. Они пошли по легкому пути — ввели в практику механические методы управления своим учеником. И спортсмен стал превращаться в игрушку, в послушную марионетку в руках тренера.

Но и в этом случае наставникам спортсменам приходится тяжело: хлопотное дело — «веревка» давать свои знания в голову ученика, крайне плохо подготовленного к усвоению непростых истин. Проще, пожалуй, решает тренер, ничего не объясняя, давать ученику конкретные задания «от сих до сих». Задания, где думать нужно самую малость, или не нужно вовсе.

Однако, как вы понимаете, спортсмен, который так и не научился сопоставлять факты, обстоятельства, закономерности, не научился анализировать все происходящее на соревнова-

Июля кишлак, когда из Москвы в Тулу, за километры довести километры, летать там же самолетами, что и на Каховском, за добрых двадцать тысяч; старым, чистым Ли-2. Потом на трассе вышел более современный и комфортабельный Ил-14. Во время летного времени Ту-104 и другие многоместные самолеты. А Ли-2, у которого дальность полета была вдвое меньше, летал себе на местных авиалиниях, летал, и, казалось, сползу ему не будет.

Самолеты стареют быстрее людей. Нетрудно сказать, выслуживший свой лет не выдал, — уже четыре-пять машин. У транспортных самолетов лет длиннее. Но и у них лет через 10—15 лет пора отмена, приходят новые модели, более быстрые, более грузоподъемные. А Ли-2 как был задуман в тридцатых годах, так и неизменно и продолжался до него дня. События в авиации прямо надо сказать, невероятные. Пролеталась из потому, что был непригоден: любая бабка или маме укатывала самолет или просто трамвай дужайки авиации: ему дорожки бетонные толстые и разрывные дорожки. И при этом он облетал вполне приличной грузоподъемностью — около двух тонн; брал на борт 24 пассажира. Прибавьте еще малый расход на высоте и такой же небольшой пробег после посадки, и вы увидите, что тягаться с подобным самолетом было очень не просто.

А конструкторы и не тягались. Создавали всевозможные, изумлявшие мир скоростные реактивные лайнеры, одних только в СССР было из концы из концы конструкторов для сотни человек, и завсего гордились своей работой. Но с каждым новым реактивным типичным разрыв между дальними трассами и местными линиями рос. На реактивных лайнерах, летавших выше облаков и садившихся в любую погоду, мягкие кресла и салоны с кондиционированным воздухом, а на поршневых технологиях местных линий — условия, которые, по современным понятиям, лишь с большой натяжкой можно назвать салонными.

Впрочем, личной злой воли или презрения к «малой авиации» в таком положении вещей не проявлялось. Просто за комфортом нужно пла-

тислати, начиная с Талдыковского учебного транспортного авиации.

С. Д. ИЛ-14. Летел в авиации ИЛ-14 начал проектироваться в 1965 году, а в 1967 году машина совершила свой первый полет. Она проектировалась как самолет, рассчитанный на полеты в труднодоступных районах с незначительными запасами прочности топлива. Вы видите, как эта машина пролетит по мягкой проселочной дороге и за ним останется довольно заметная колея? Так вот, это именно такой груз. Ничто сравним между смешанной и утилитарной авиацией.

Второе требование, которое нужно было выполнить, — это короткий разбег на взлете и короткий пробег после посадки. И не просто короткий разбег, но и быстрый набор высоты. Мы видели, местные авиалинии обычно окружены лесом или домами, поэтому сразу после отрыва от земли самолет должен быстро набирать высоту. И самое главное — отвал двигателя на взлете не должен создавать ситуаций аварийных. Наш самолет при 30 градусах танга на Поем-сисо (то есть когда воздух становится «жидким» и плохо держит машину) и давлением 730 миллиметров ртутного столба (это соответствует высоте около 400 метров над уровнем моря) даже при отказе одного двигателя набирает высоту 10 метров на расстоянии 950 метров от точки старта. Это очень хорошие показатели. Если же один двигатель работает нормально, самолет отваливается после пробега 200—350 метров и сразу же быстро набирает высоту. У него очень высокая энерговооруженность, другими словами, маневренность двигателя весьма велика, и это позволяет быстро набирать высоту.

Что же касается короткого пробега при посадке, то это обеспечивает реактивно-турбинное устройство центрального двигателя. Это такие штифты, которые перекрывают выход горячих газов двигателя и направляют их в сторону. Таким образом, поворачивается тяга, направляется против движения, и самолет быстро тормозится. Это дает возможность выкатываться с высоты 15 метров всего лишь 600 с небольшим метров, а от момента касания земли — около 300 метров. Особенно важен резерв тяги, когда самолет садится на разномыслии грузки, где тормоз на дор-

Вечеслая ДЕМИДОВ
Фото автора

Большой полетчик

Улы на самолетах советского

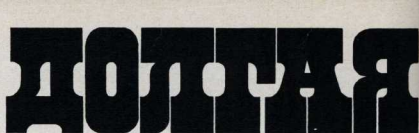
теть. Платить весом машины за герметическую кабину, за аппаратуру кондиционирования, за современную радиоборудованию, давление самолет всепогодным. Тяжелая же машина вылетает грузом, разбегается долго, требует прочной бетонной полосы. Вот почему вивные слухи о новой машине конструкторского бюро Поем-сисо были похожи на сказку: вылетает и садится, как Ил-2, комфортно, как и Ил-62. Уж очень невероятным казалось, что в одном самолете можно совместить такие диаметрально противоположные свойства.

А он именно таков — Ил-40. Впрочем, может быть, лучше, если о нем расскажут специалисты — конструкторы, летчики, диспетчеры Аэрофлота: Сергей Александрович Яковлев, заместитель главного конструктора; Арсений Леонидович Колосов, летчик-испытатель I класса; Валентин Григорьевич Мусин, заслуженный летчик-испытатель СССР, Герой Советского Союза; Георгий Николаевич Купина, летчик, за-

жат и, कुछе того, могут выказать записи и авиации. С реактивным же устройством это исключено.

В. Г. МУХИН. Летом 1970 года мне довелось познакомиться Ил-40 на авиавыставке в Пивенях. Выставка была организованная на двадцать предприятий легкой промышленности: двух, четырех, шести, от семи двадцатидвухместных. Наш самолет — 27-местный, но его пригласили, потому что он обладает теми же характеристиками взлета и посадки, что и малые машины. За последние два года в области на Ил-40 более двадцати стран: Ирак, Иран, Афганистан, Пакистан, Бирма, Непал, Индия, Тунис, Марокко, Кувейт, ОАЭ, Швейцария, Бельгия, Италия — множество стран промышленности по роду нашей машины. Эти самолеты были жестким испытанием для самолета: жара доходила до +47° при влажности почти 100 процентов! И это в горах, как, например, в Пивенях или Бирме! Но ни разу наша техника не подвела нас.

ПОВЕСТЬ

Перевод с английского Виктора РАМЗЕСА

Доехав до Девяносто шестой улицы, Стили пересел на другой автобус, идущий через Сентрал-Парк в направлении Ист-Сайдса. На Мэдисон-авеню он сошел и зашагал к югу. Эта часть города сильно отличалась от Гарлема. То и дело попадались опрятные лавки, бакалеи, уютные кондитерские, нарядные дома с теплыми над окнами и железной оградой. Сквозь толстые шторы на лампах горела уютная сдержанная теплая свет. Стили оторопел от окружающей его благочинности и тишины. Он боялся посмотреть в глаза прохожим. Не приведи его сюда неоплаченное дело, он поспешил бы вернуться в Гарлем.

Было уже ближе девять часов. Страшно подумав, как сердится мама, ждет: кодит азад и вперде по комнате. Ну и влетит же ему! Скорее всего мама выпорот его ремнем, ему полагается большая зубочка, и она пожелает кулаки. Стили был столь же беспристрастен к себе, как и к другим. Он виноват и заслуживает строгого наказания. Но если он вернет деньги, это хоть в малой степени смягчит его вину.

Мимо на велосипед медленно проехали два белых подростка. Рыбашки на них взмокли, видно было, что они устали. Стили побежал за ними, стараясь не упустить их из виду, но самому не попадаясь на глаза. Пробежав несолько кварталов, он выбился из сил. Ноги стали ватными, он задышался. Подбросил свертун на Восемьдесят восьмую улицу, Стили перешел на шаг. Как он и надеялся, один велосипед был оставлен у подъезда, в садике. Стили прошел мимо этого дома, но успел все разглядеть. Машина сверкала хромом. Это была «серебряная молния», стоит она не меньше пятидесяти долларов.

Стили поразила собственному хладнокровию. В груди уже не спирало, как во время первой кражи. «Так видел себя герои фильмов,— подумал мальчик,— они спокойно докуривают сигарету и не моргнув глазом отправляются на рискованное дело».

Все складывалось удачно. У подъезда не было ни души. Обойдя квартал вправо, он снова зашел на Восемьдесят восьмую улицу. Велосипед стоял на прежнем месте. Стили открыл калитку и вошел в садик. Взявшись за руль, правой рукой он быстро откинул подпорку, вывел велосипед за калитку, сполнул его с тротуара на мостовую, разбежался и вскопич в седл. Теперь у него свой велосипед!

6

В отряде Комачней одного парня по фамилии Робинсон все звали Велосипедный Корольем. Этой пятидесятилетний юнец был помещен на велосипед и отлично в них разбирался. Сам он ездил на превосходной машине, украшенной разноцветными лампочками, с электрическим звонком, мезовой кисточкой на заднем крыле и алюминиспелыми отражателами. Воротила висели флажки всех стран—членов ООН, и недавно он поставил еще маленький радиоприемник, работавший от «динамики на переднем колесе».

Как-то раз Робинсон посидел Стили на раму и довез до Девяносто шестой улицы. Там он велел Стили возвращаться на велосипед домой, а сам куда-то отправился пешком.

Стили ехал не спеша, раставива удовольствие, как ядрат мимо него промчался Робинсон на велосипеде, которого раньше у него не было. Стили смеянулся, что внезапно стал соучастником краж. Дома Робинсон разобрал велосипед. Он поклялся, что такое умение велосипеды у Белья—эти простотиили неостоятт их без присмотра—и сбывает за хорошую цену старьевщику в Ист-Ривер, у него с ним налажен контакт. Робинсон предостерег Стили не пытаться провернуть такое дело самому, ноги, мол, у мальчика не крепки, до недели едва дотянет.

С тех пор прошло еще несколько месяцев, но Стили решил, что уже достаточно вырос. Он рязщит Короля и с его помощью загонит асеребряную молнию». Робинсон ему не откажет, дело-то сделано.

Он направился было на север, в сторону Парк-авеню, но, заметив на углу полицейский автомобиль, передумал. Лучше проехать дальше на восток и добраться до дома по Лексингтон-авеню. Правда, та территория контролируется Мстителями, но риск невелик, он заденет лишь самый край их владений. Достаточно проскочить восемь небольших кварталов, пересечь Девяносто шестую улицу, и он окажется на земле Коинстадоров, с которыми Комачней недавно заключил мир. Оттуда до дома рукой подать.

Но одно событие, о котором Стили не знал, распространю его планы. Накануне в кафе на Девяносто шестой улице из-за девушки подрались два парня. Тем был сдор и кончилося, не будь они из них белым, а другой пузурториканец. Сдора переникнула в периферу адуло Девяносто шестой улицы. То с сторя встретились и договорились, что этой ночью произойдет генеральное сражение. В нем будут участвовать все, даже девятилетние малыши. Девчонкам тоже отводилась важная роль. Они должны были пронести под пальтвом оружие на столе Билва.

И вот тогда Стили свернул на Девяносто пятую улицу, он едва не неехал на армлерга большого подразделения Мстителей, направлявшихся к месту сражения.

Еще не увидев их, он услышал воинственные вопли. Стили нашел на тротуар и разнеруил «серебряную молнию». Но покырши предательски заскрипел.

— Эй, смитроил!

— Откуда он свалился!

Несолько парней, пеших и на велосипедах, устремились в погоню. Стили, бешено раскручивая педали, мчался под гору ю Второй авеню. Он едва

держался в седле от трясич. В голове тем временем возник новый план. Надо пробраться в сторону Ист-Ривер, потом на север, по Второй авеню, к Девяносто шестой улице.

Стили стрелой несся вдоль длинного квартала. Ему удалось оторваться от полиции преследователей, но те, кто был на велосипедах, продолжали погоню.

- Эй, комачи!
  - Черномозгой!
  - Постой, кто скажу!
- Впервые в тех пар, как купил куртку, Стили поклялся, что надел ее. Ее ядовитый цвет можно уануть на несколько кварталов.
- Не уйдешь, комачи!

Он пересек Девяносто шестую улицу, едва не врезавшись в автобус. Наверное, преследователи были постарше Стили и постыльнее, разв в сюртасх, но он знал, что еще есть шанс, они не осмелятся углубиться на территорию Коинстадоров.

У него сводило из-за мускулы от невероятной гонки. Быть бы Сверхчеловеком, научиться уставать!

Не сдавался, Стили!

Стили не хотел сдаваться, он помнил уроки Поля, но чувствовал, что ему не спастись.

Один из Мстителей обогнал Стили и встал поперек дороги. Стили затормозил. Подъехали остальные. Все они были старше Стили года на два, на три. Примерно минуту все молчали, никак не могли отшатнуться.

Тот, кто преградил Стили дорогу, видно, был у них вожаком. Он сказал хриплым голосом:

- Джек, ты что, не слышал, как тебя звали!
  - Стили не ответил.
  - Ну и хыльк отзавиди, загляденье!
  - Красота!
  - «Серебряная молния»!
  - Ая да Джеки!
  - С ума сойти!
- Они говорили нараспев, точно молились. Стили знал, никакие слова не помогут, и поэтому молчал.
- Молчишь, Джек!— продолжал их главный.— Ты будешь панькой и подорвешь нишуруку верной!

Круглолицый парень с черными курчавыми волосами положил свой велосипед на землю, пошел к Стили и отпихнул его от «серебряной молнии». Мальчик не устоял на ногах. Когда он поднялся, курчавый уже держал его за волосы.

— Сиелю комачи!— сказал кто-то из парней.

— Проверим, на что он годен!— продолжил строгий, худенький подросток в сапогах.

- Мальчика сбили с ног, но него послышался плач.
- Все поданис и теику кулаком тога, кто был блужде всех. Когда курчавый сездил ему по узу. У Стили потемнело в глазах, он зашатался в тесном кольце Мстителей.
- Черномозгий не плачет— удивительной!
- Эй, Обрубок, врешь-ка ему!

- Говорили они певнво, словно ни каскучила эта игра.
- Сию минуту!
- Мальчик не успел прийти в себя, как его снова сбили с ног. Он так ослаб и пал духом, что даже не мог подняться.
- Все равно не плачет!
- Погор, Обрубок!

- Внезапно их охватило беспокойство.
- Надо уносить ноги, а то еще нагрнут фараны.
- Андал!
- Обрубок, держи вторую ручку.
- Процый, малыши!
- Не горюй!

Стили даже не посмотрел ни вслед. Он добрался до тротуара, сел на крутую и застыл.

Он направился на Мстителей, не думал о ссадинах и ушибах. Его сверила одна мысль: он так и не достиг двадцати семи долларов. Как долго дотянется эта ночь, когда же наступит утро!

7

Было уже за полночь. Скоро закроются пивные, и пьянчук выстает за дверь. Один никак доковылял до дома, другие закончат в темных чулки поддевалки им прямо на тротуаре. Стили решился на отчаянный шаг: отыскать нужные ему деньги в карманах этих заблудив.

Он вернулся в Гарлем. Новый план вселял в мальчика надежду, прибывая сил. Конечно, он устан— вперые так поздно на ногах, но он не сдастся. Взамоглядывая, козубудерный. Стили думал лишь об одном.

Раюн, в который он забрал, похож был на его собственный. Во многок квартирах уже погас свет. Только кое-где под крышей на одной вышке сидели у окон старики, им не спалось, они чувствовали себя изгнанниками.

В локсфордском, светлом мире для них уже не было мест в темных чулки.

Через свет редеющих фонарей не мог рассеять жар, черной тьмой унаачив на улицы. Ни одного прожогого, только нелюси mismas автомобилям. Было так тихо и безлюдно, словно на свете не осталось ни живой души.

Но, как ни странно, Стили не испытывал страха. Им завладело новое, невероятное радостное ощущение. Он поклялся себе одной цели, и ничто его не остановит.

Оночание. Начало в №№ 19, 20.

Мальчик

Впереди замачивающий уличный фонарь. Внезапно Стюди замер: донеслось поскрипывание ржавых колес и негромкое бормотание:

Сина, сина, сина,
Догче саят, сина до-те.

Сморщенный старик втопнул теленку в кругу света, неопытная борода и сбившиеся густые на затылке отливки серебром, черная кожа казалась мертво-бледной, темные бездонные глаза лежали блики на пустые языки, на отверстия в святочной маске.

Мальчик загнул дыхание, покряхив мурашками. Черный Папа проехал на нескольких шагах от него, все так же монотонно бубнил. Отец говорил Стюди, что это просто-напросто молитва, возможная гитлянами богу морю, но странные звуки будоражили воображение мальчика. Ночью на мучной пустынной улице в них слышалось роковое пророчество, они будили страшные предчувствия.

Стюди поспешил в другую сторону, испытывая незачисленный страх и отчаяние. Не зам ли гнались злые души, вот-вот они наступят его и улетают во тьму. Лишь очутившись на хорошо освещенной улице, мальчик успокоился.

Не освещенная улице для дела не подошла. Он заставил себя снова свернуть в темный переулок и вскоре оказался в одном из нескольких гаремских районов. У подъездов мужчины и женщины потягивали из бутылок пиво и дешевое вино, громко рассказывали побойные истории, огульно шли хохотали, тиска в бока друг другу кулаками. Стюди проходил мимо одной такой группы, когда из окна первого этажа редесет отчаянный крик:

— Ракч бога! Утомитесь наемщи! Дайте порядочным людям спать!

Стюди добежал до угла и пересек улицу. Дуршедробирующие воли, страшные лица вешающихся людей напугали Стюди, но ой взял себе в руки — дело не ждёт!

И вот Стюди увидел пьяного. Тот свернул с освещенной улицы в переулок. Его шатало из стороны в сторону, от стен домов к автомобилям, выстроившись в крошечный тротуар. Мальчик прижался к забору, чтобы не поиться ему на глаза. В темноте лица заблудились казались фиолетовые, Веки слипались, чувствовалось, каково трудно ему стоит глядеть вперед. Губы безвольно разжались, открылись несколько золотых зубов. Каким-то чудным выметил Стюди и, распорыв руки, стал надвигаться на мальчика:

— Попаля, малышь!

Его движения напоминали замедленную киноленту. Стюди отскочил в сторону, и человек с прохлосом арвался в забор, заслонив и замочил голову. Реша, что мальчик ему померещился, он неведеро побрел дальше. Стюди крася в нин, как маленький зверек, надеясь, что прыгнул вот-вот ружмет на землю.

Но тот удар остановился, устояв на номер дома, громко, протяжно завыла звонкую сторону пелёда и исчез в тьме.

Стюди испытал горькое разочарование: пьяница живет в этом доме. А может, он перепутал адрес и свалился в подполье? Взбывая по ступенькам, Стюди успел увидеть, как залочились дверь на первом этаже.

Вернувшись на тротуар, Стюди попытался досудит и то же время облегченно. Он сомневался в себе, опасаясь, что в решающий момент струит...

— Привет!

Вдоль крошки тротуара след за Стюди медленно ехал автомобиль. За рулем сидел белый, он широко улыбался.

— Привет, дружок!

Казалось, и голос у него улыбался. Стюди никогда не слышал такого дружелюбного голоса. Но возни он так неожиданно, казалась столь неуместным на темной гаремской улице, что Стюди усмался шг. Автомобиль вновь поравнялся с ним.

— Подайе сода, мальчик. Я тебя не смяю.

Стюди не остановился. Его не правдесть, это один из прудурок. Стюди слышал про них от ребят. Они способны на любую гадость, лишь держаться от них подальше.

— Что ты боишься? — быстро заговорил человек. — Я тебя ничего не сделаю. Хочешь заработать?

Стюди вздрогнул. Обернувшись, он взглянул на белого со страхом, враждебностью и невольным любопытством.

— Подайе, говорим, что, дойтик орать на всю улицу!

Стюди двая ша в сторону автомобиля, но оставался нацку. Он опасался, что человек распахнет дверь и схватит его. Белому было за тридцать. Продолговатое лицо казалось таким же дружелюбным, как улыбка и голос. Сразу видно, богач, ездит в новеньком кадиллаке. Автомобиль отпоявлял до блеска, сверкал выжидучи человек. Для такого богача двадцать севе долларов — нусти!

— Итак, ты хочешь заработать? — переспросил белый.

Стюди подумал, что хоть не придется возитись с пьянцами. Прудурок даст ему денег, и никто об этом не узнает. Он утвердительно закивал головой.

— Ясно, хочешь? — взвоннливо воскликнул белый. Его глаза на имг задержались на лице мальчика. Стюди понял, что нужно что-то сказать, но не знал, что именно. Ему было не по себе, но он не шелкнулся.

— Как тебе зовут?

— Стюди.

— Это было первое слово, произнесенное мальчиком за несколько часов. Звук собственного голоса его удивил. Стюди сам не знал, как это открыл рот, словно улыбка и манеры белого заворожили его.

Потом Стюди, уже радостно выжидучи человек. Он понизил голос, слова казались липкими, маслянистыми. — Хочешь заработать целый доллар?

— Не хочут! — отрубил Стюди. — Мне нуно двадцать севе долларов.

Улыбка сгинула с лица белого. На какой-то имг оно померчнело, потом снова заулыбалось.

— Ха-а, ты, видать, парень не промах! — засмеялся человек. — Ну ладно, хочешь заработать двадцать севе долларов, залезай в машину и поедом со мной.

Последние слова он уже кричал вдогонку Стюди. Мальчик улыбка закуревший взгляд и ушел сг. Он напомнил Стюди о мистере Литштейне, о Леденце, о распанной руке в человерство. Это белый из той же породы. Вот почему мальчик пустился науток, хотя знал, что за ним никто не гонитс.

8

Но ночью густая тень огромных деревьев таежмми покрывалом окутывает Централ-Паво. Стюди бред по дорожке вдоль каменного забора. В темноте от и то и дело натыкался на доходящие парочки. На скамье под фонарем две пожимые женщины самовазном сплетничали о соседях. Иногда пролетал автомобиль, тормозя, пережидая красный сигнал светофора, потом мчелся дальше, и вновь совершалась тишина. Стюди стоял асторожно, словно опасаясь выскочить набликом изсру, от которого взорвется легко воспламеняемая ночь. Заметив в темноте углеке поторую скамью, он присел. Только теперь Стюди понял, как сильно устал. Глаза слипались, клонило в сон. «Нельзя спать, дело не ждют!» — бормотал мальчик. Но через несколько секунд побдордок уткнулся в груды, веки опустылись. Город, что-то напоявлять ему, но Стюди уже не узнал его.

— Это был не сон, а спроевилье. Стюди очунился в смутной ямке, навывше с той ночью, когда Поля Брауну принесли домой. Спусти несколько дней появились на свет Карол Энн, Стюди богат за часик. Успел о домкить, да первый родитель не заветил ждети, они боялись испачкать сиденья. Но третий оказался добром, он поднялся на пятый этаж и помог Полю снять Мия по лестнице. Робби отчаянно заревел, отец приказал Стюди не выходить из дома и присматривать за братишкой. Карол Энн родилась раньше срона, и не с Мия продолжала в больнице целый месяц.

— Отца тем временем точно подменили, и мальчика очно бесконюла эта времена. Поля совсем забросил учебу, работал на двух службах. Он все время молчал, в глаза появилось робкое, покорное выражение, которого раньше Стюди никогда не видел. Улыбался наредко, какой-то грустной улыбкой. Салвакс еще реке, не так зычно и зарачительно, как бывало, когда от его хохота сыпалась штукатурка. Не жил Стюди нуно не плече, но рассказывал удивительные истории, не жестикулировал.

— Отец, пойдём на будущей неделе на стадион, — предложил как-то Стюди. — Поглядим на Джекин.

— Поглядим, — вяло ответил Поля, — если будет время, обязательно сходим.

Но, как и дунал Стюди, отец забыл про обещание. «Пройдючи и Джекин Робинсон перестали интересоват Поля. Стюди решил последоват примеру отца и стал полюбил бейсбол из головы. Он будвет таким же грустным и молчаливым, как Поля.

— Стюди так мечтал, чтобы все в семье было хорошо. И казалось, мечты эти могли сбыться. Мама ушла из прачечной, завялася детым и хозяйством. Емч хвезало, Стюди каждый день обедал. В тесной квартире стало уютно.

Но что-то было не так. Стюди не правдесть, он ясно это видел. Дело не только в отце, но и в маме. Когда отец приходил с работы, она говорила «Привет, Поля» так безразлично и вежливо, словно они едав знакомы. Даже если по красным глазам Поля было заметно, что он выпил, она не бранилась, не поавляла гоним.

— Привет, Поля, — говорила она, будто ничего не произошло.

— Привет, — однословно отвечал отец и сразу ухладывался спать.

У Стюди горестно, как по покойнику, сжималось сердце, он отворачивался к стене, чтобы не видеть маминого лица, зная наверняка, что оно ему сейчас не понравится.

В есе в доме затепляло в странном предчувствии. Что-то ждали мама и отец, ждла затопата газовая плита, раковина с потрескавшимся эмалью, навозные мухи, залетающие в окно, желтая кроватка Карол Энн, кровати, на которых спали, сыновья, большая кровать в соседней комнате, сервучие деревянные кресла. Ждла и Стюди, толком но зная, чего, но чувствуя приближение бед.

И вот случилось: Поля Браун не вернулся домой. Ну и что, он может прийти в любую минуту. Утром эра процудилась несомненно днч. На четвертый день в дом пришло известие о смерти мальчишки и чудным, холодным взглядом Стюди понял, что Поля ушел нарочно и не вернется. Горь мамы было таким сильным, что она даже не могла плакать. Прошло несколько месяцев, прежде чем Стюди впервые услышал ночью сдавленный плач в соседней комнате.

Сина, сина, сина,
Догче саят, сина до-те.

Звучи эти пронзили мальчика, словно закружились в голову. Старик и тележка кинули во тьму, молитва казалась шестелом ночного ветра. Мальчик сложил руки, и начал только его воображение. Он встретил Черного Папа. Сел в эту комнату. Непростая! Черной тенью заслонил старик любовь, надежду, мечту. Черная тень, долая, как нить, жуткая, как таи, которую мальчик носит в себе, скорбящая, как мысль об уже-удивенных деньгах, о потерянной отце...

Стюди подливал со скамейки и заковылял прочь. Страх и отчаяние все-таки не одолеят его решимости.

Выйдя из Парка на Сто десятую улицу, Стили зашагал к Восьмой авеню. В этот предутренний час порывистые кирпичные дома понуро опустели челюстью карнизов, точно устав от монотонной вереницы ночей и дней.

Стили дважды ныткнулся на спящих на тротуаре мужчин, но они ему не подходили. Уже по их позам было видно, что это бродяги, люди конченные, без гроша за душой. За свою короткую жизнь Стили хорошо изучил этих типов, немых, дурно пахнущих, в грязных дождях. Эти двое спали безмятежно и крепко, точно в своей постели. Мальчик испытывал к ним отвращение и жалость, недоумевая, как можно так опуститься.

На пороге одного здания, положив руки на две большие хозяйственные сумки, сидела старуха с кожей цвета горчицы, огромная, рыхлая, изъеденная годами и болезнями. Черты лица казались увеличенными вдвое, медные глаза совсем повернулись в глубоких морщинах. Голова свисала небом, беззубый рот широко открылся. Подойдя ближе, Стили услышал ворчливый, прерывистый хрип, разглядел отвислые складки кожи на ногах, ниспадавшие на башмаки. Он знал, бывають мужчины без копеек денег и криши над головами, но женщины! Сейчас же он подумал о маме и поклялся всю жизнь заботиться о ней, чтобы она никогда не стала такой, как эта огромная уродливая старуха, дряблыми руками обнимавшая свои сумки.

— Мальчик, иди сюда!

Стили так и подскочил. У крошки на тротуаре стоял патрульный автомобиль с потухшими огнями. Сидящих внутри полицейские почти не было видно.

— Кому говорят, подойди сюда!

Стили сделал робкий шаг в их сторону. Надо было дать стрекача, но от страха застывали ноги. Ничего такого он не сделал, о чем фаранцы могли бы прокричать, услыхав себя мальчик. Тот, кто его окликнул, оказался негром с уставым лицом и невеселым, глубоко посаженными глазами, холодно поблескивавшими в тусклом свете. Напарник был белым, но Стили не разглядел его лица. С перекрестка донесся смех, и мальчик понял, что полицейские наблюдают за хмельной компанией на углу.

— Как тебя зовут? — спросил негр.

— Стили.

— А фамилия?

— Браун.

— Ты знаешь, сколько сейчас времени, Стили Браун?

— Нет, сэр.

— Два часа ночи, к твоему сведению. Где ты живешь?

— На Сто шестнадцатой улице.

— Ты что, Стили или как там тебя, в тюрьму застел?

Стили замолот головой.

— Ага, не хочешь! — Полицейский волком глядел на Стили и негромко рычал. — Тогда в два счета уноси задницу на Сто шестнадцатую улицу. Если снова попадешься, сидеть тебе до девятости лет, понял?

Стили аянул.

— Теперь проваливай ко всем чертям!

Стили побежал в сторону дома, боясь оглянуться. Этот негр с холодными глазами не станет бросать слов на ветер!

Домчавшись до Сто шестнадцатой улицы, он пробежал по ней еще квартал, до угла Седьмой улицы. Удостоверившись наконец, что патрульный автомобиль не едет за ним, он свернул на север и пошел в предмеши напропалую.

Бары уже закрывались. Выходившие из них мужчины и женщины весело болтали, ловили на углах такси. То и дело всплывали громкие перебранки, перешагивавшие в пьяные стычки. Стили Браун шел и шел, заглядывая в каждую переулок. Он знал, что последняя возможность вернуть мамини двадцать семь долларов, и он ее не упустит. Сердце сжималось от страха и волнения. Час решающего испытания наступил.

Человек спал на пороге, выставив вперед колени, прислонившись одним плечом к стене, будто провалившись мимо стула и сел на пол. На другой стороне улицы шла строительство: оттуда никто Стили не увидит. Мальчик едва не проскочил мимо этого пьянчужки, такая здесь была темень. Стили прошелся взад и вперед несколько раз, желая убедиться, что человек действительно пьян. Из соседнего дома вышли люди, и Стили дошел до угла, чтобы один ничего не заподозрил. Наконец он решил, что можно без риска подойти к пьяному, который сидел в той же позе.

Бумажник, наверное, в заднем кармане брюк. Придется задерать край пиджака, а потом уже лезть в карман. Спереди это сделать невозможно, не дотянешься. Да и опасно: хоть и темень, прохожие все-таки могут накрыть его с тылу. Задний выход один — войти в подъезд и действовать со спины.

Темне рисованно. Если человек не так пьян, как казалось, если он проснется, Стили окажется в ловушке. Он живо представил себе, как взрослый мужчина, пришедший в ярость, загоранивает ему путь.

Но чувство долга помогло преодолеть нерешительность. Этот пьянчужка — его последний шанс. Потом еще труднее будет заставить ум и тело повиноваться. Схват уступил в жарком, напряженном толкании, и Стили прошмыгнул мимо спящего в подъезд.

Он опустился сначала на одно, потом на оба колена, перевел дух. Спина его жертвы маячила округлой глыбой на темном фоне улицы. Пьяный дышал с шумом, будто что-то переваливалось у него в легких. Стили уперся рукой об пол, а другую медленно протянул вперед, со страхом предвкушая трепет первого прикосновения. Это случилось раньше, чем он предполагал, и Стили едва не отдернул руку. Усилием воли он подавил этот порыв, задержав пальцы на пиджаке, давая пьяному привыкнуть и новому ощущению. Все это мальчик проделывал инстинктивно, ведь никакого опыта у него не было. Пальцы скользили ловко, скованность исчезла. Стили только забыл об опасности.

Как он и думал, бумажник оказался в заднем кармане брюк, придавленной к ступенке всем телом спящего. Надо высвободить пиджака, расстегнуть карман и осторожно вытащить бумажник. Резкое движение может все испортить.

Стили нуждался хоть в маленькой передышке. Ему казалось, что он пробыл в подъезде уже несколько часов. Искаженное представление о времени подхлестывало его. Нет, нельзя терять ни секунды. Он ухватился за пиджака и потянул. Прошлая долгий, жуткий миг, прежде чем край пиджака медленно пришел в движение.

Рисунок Валерия ХАРАСЕВА

— Хмы! — внезапно буркнул человек, завернулся, свернул, сал поперек двери, приподнял голову, но не удержал ее и снова уронил на косяк.

Едва пальцы пошевельели, Стилю вскопши на ноги и забился в дальний угол подъезда, колотился у себя.

По улице проехал автомобиль, осветил на миг лицо заблудившего. От изумления Стилю открыл рот и вскрикнул: он увидел лицо отца.

Это был Поль Браун.

10

Узнав отца, Стилю не сдержал удивленного крика. Автомобиль проехал мимо, и издалека слышно стало таяние.

Все кружилось перед глазами, дышать было трудно, словно его ударили в живот. Он размяк, оцепенел от неожиданности.

— Отец! Отец!

Звонкий, пронзительный голос не достиг сознания Поль Браун. Стилю стал на колени, хват отца за плечи, пытаясь растормошить. Поля, но trotz безмятежно расплылся на полу, подогнув руки и ноги, как большая поломанная кула. Из открывшегося рта выпливали белые зубы. Лицо застыло в глупой улыбке. Дышал Поль Брауну, но равно. Казалось, его и пушкой не разбудить.

— Отец! Попль! Попль! — кричал Стиль, пока не выбился из сил. Он увидел перед собой пьяную штурговскую массу, расплывшийся, смаленные черты.

Внезапно мальчика обуяла злость. И это его отец, мечтавший о прекрасных вещах! Хорошая цена красивым словам. Но где он дошел! Как бродяга, валяющийся в грязи, вонючий, Стилю едва не помчался от отбыва. Он закатил зловещую пощечину уродливого носа, одну, вторую, третью. Вспомнил все: Высший совет и Дровоби; мальчишки, отыскавшие велосипед; пуста сумка; предательство Леденце; все его беды и несчастья. Ладно, уже ныла от ударов, но издалека не остановился, пока не выбился из сил. Черт, он можно даже, он опустится на пол.

Отец зашевелился, приподнялся на руках и сл. Голова вновь свесилась на грудь, глаза так и не открылись. Он застал, протяжно зевнул, потом затряс головой, подняв руки и зарыл в них лицо. Громят взвнутой воздух, еше раз зевнул и открыл глаза.

— Отец, это я, Стиль.

Поль с трудом повернул голову в том направлении, откуда донесся голос.

- Это я, отец! — Мальчик придвинулся ближе. — Стиль.
- Фред!
- Да, отец.
- На самом деле?
- Ну конечно!

Поль протянул в темноте руку и тяжело опустил ее мальчику на голову, надавив пальцами знакомые черты, потом издал странный звук, похожий на удивление.

— Фред! — Теперь он уже не сомневался. — Что это за улица, Фред?

- Сто двадцать девятая.
- Взгляни на номер дома.

Стиль вышел из подъезда и с трудом разглядел цифры, назвал их отцу.

Поль до дома добрался. — Голос у отца был тихий, необычный. — Я здесь живу, Фред. Помошь своему старому приятелю!

- Конечно, отец.
- Опершись на плечо сына, Поль кое-как поднялся на ноги. Стиль шагал в кармане отца колот, открыв входную дверь, и они поднялись по лестнице.

Отец зашел в крошечную комнату без окон на четвертом этаже. Железная кровать, накрытая солдатским одеялом, маленький радиоприемник в углу, воле раковины электрическая плита. Воздух тяжелый, затхлый.

Поль поспешно в ванную комнату на третий этаж. Стиль присел на кровать, постылся, успокоился. Обстановка показалась мальчику знакомой. Рано или поздно это должно было случиться. Он знал, что отец жале, искал и вот теперь нашел его.

Поль вернулся посеважившим, темная кожа уже не отсвечивала болезненной желтизной. Заговорил он не сразу. Сначала включил плиту и поставил на спираль маленький белый кофейник. Потом шел рядом со Стилем на кровать и сел в нее. Стиль так много нужно было ему сказать, но отрезанная часть отца оставляла мальчика так они и сидели молча, пока не вросли кофе. Поль налил себе полную чашку, потом вторую до половины, добавив молока и протянул Стилю. В два глотка осушил чашку, отчеконил заговорил слегка подрагивающим голосом:

- Как Редди и Карло Эми?
- Все в порядке? — отозвался Стиль.
- А мама?
- Вроде ничего.
- Как успехи в школе?
- Сидит конякяки.
- Ах да...
- Поль закрыл глаза и отвернулся. Стиль заметил, что руки у отца дрожат. Внезапно его провало:
- Не знаю, что тебе сказать! Мне так жале, Стиль, но что я могу сделать!
- Он поднял ладони и показал их мальчику.
- Видишь, как трусута!
- Стиль не узнавал отца, никогда он не слышал от него подобных вещей, и голос был чудов, какой-то тонкий, жалостный.
- Как тебе сюда занесли? — неожиданно спросил отец. — Сколько сейчас времени? — Он посмотрел на часы. — Черт возьми, почему ты не спишь в такой час? — Теперь уже отвернулся мальчик. — А ну, выключай!

Стиль колебался. Вряд ли взрослый человек способен понять что обстоятельства заставляют поступать против своей воли. Вдм мама запретила возвращаться домой без денег. Он не виноват, что старшие ребята отняли двадцать семь долларов. Он готов был заработать их тяжелым трудом, но никто не дал ему работы. «Оступился один раз, — часто повторял отец, — и уже не вернешься на правильную дорогу. Так что ярд ли Поль сумеет вернуть Стилю.

И все-таки мальчик выложил все, от начала до конца. Слишком долго был он одинок, один на один со своими мыслями, так хотелось открыть душу, вновь обрести отца. Кто же примет, если не Поль?

Слова злинули потоком. Когда он кончил, Поль опустил ему руку на плечо и сказал:

— Не надо думать, что ворухе, недобродяга тебе! — Он помахал кулаком перед носом мальчика. Отец не шутит, но за угрозу последовала улыбка, и Стиль понял, что все будет хорошо, все устроится.

Поль поднялся шарить глазами по комнате.

— Надо подумать, — бормота он, — у тебя два доллара с мелочью, но хватает двадцать пять, чтобы сласить тебя от худшей порки в школе.

Он подошел к тому месту, где на стене висела его одежде, снял пальто и костюм.

— Тут в подвале есть один человек, — сказал Поль, — превосходная личность, он наживается на чужом горе.

Сидящий мальчик удивленно заблосился: отец заговорил по-прежнему, все своим, ироническим тоном.

— Мы презираем подобных людей, но вынуждены иметь с ними дело. Костюм, пальто и часы стоят больше ста долларов. Интересно, согласишься ли ты продать их, чтобы сласить тебе от худшей порки в школе.

Стиль энергично кивнул. Волшебная ига в слова, превращая на несколько месяцев, возобновилась.

— Отступовал Поль недолго. Вернувшись, он отсчитал двадцать пять долларов, положил Стилю в карман и заложил его булавкой. Потом шел на кровать. Обы отлежался.

Снова мальчику стало страшно. Поль отдал деньги ему, значит, сам он возвращается домой не думает. Стиль во сне видел, как он находит отца и они вместе идут домой. Оказывается, не так все просто. Он отхватил Поль, но мятреть на этого человека не мог.

— Отец, можно отдать тебе всего? — спросил Стиль.

— Ты сдайся, вернешь? Сам говоришь, что нельзя сдаваться ни под каким видом! — сдался, сдайся, отец!

Рядом с собой мальчик вспомнил собственному отцу! Стиль зарделся от стыда. Лицо Поля искажала страдальческая гримаса. Стиль не предполагал, что его слова произведут такой эффект. Он охотно бы взял их обратно, наговорил бы отца всяким нежестям, но мальчик еше не научился вкрадчивому языку полунарды, не умел торговаться с совестью.

— Стиль, я должен сказать тебе кое-что, чего ты от меня никогда не слышал. Постарайся понять! — Они были обращены теперь лицом друг к другу, их глаза встретились. — Ты не забыл про Туссена и Фреда Дугласа, про других наших героев? Ты должен по-прежнему в них верить, во всем им подражать. Прощай, ты живешь в них теперь. Даже если разуврешься во мне.

Поль промолчал, проглотил комочек.

— Ты прав, Я сдаюсь... не выдержал... сплюжил оружие. Силенко не хватило. Ты думал обо мне лучше, чем я заслуживаю. Я и сам в себе ошибался.

В его глазах заискрились слезы.

— И в тебе, мальчик. Конечно, жизнь — трудная штука, но самая большая трудность — это ты сам.

Поль не выдержал взгляда сына, отвернулся, но продолжал говорить, словно вполговаясь что-то самому себе:

— Труднее всего посмотреть правде в глаза, осознать собственное ничтожество, обнаружить, что надевен в избытке всеми слабостями и недостатками, которых не прощаешь другим. Понять, что не вытравившь до своего, пусть скромного, идеала. — Он мотнул головой и повернулся к Стилю. — Да, я не вытравлю... Обо мне заблуд, говорю в самого себя, в грядущее величие нашего народа.

Глаза Стилю заргорели злостью. Мистер Литтлгейт... Леденце... Придурак... Поль. Ему подчулся голос мамы: «Если бы сына чего-то стоили, ты был бы миллионером, Поль Браун!» Слова... слова... Отец еше хуже мистера Литтлгейта, но все равно Стилю любит его.

— Мне домой! — крикнул мальчик. — Поль попытался обнять Стиль, но мальчик упернулся и встал. — Я знаю, о чем ты думаешь, но я не могу, не могу пойти с тобой. Ты уже большой, ты должен понять.

Взрослые... агунли... говорят одно, а делают другое... как он ненавидит их!

— Все ты врешь! — закричал Стиль. — Врешь, врешь!

Поль крепко ударил мальчика, но тот не почувствовал боли.

— Чертов врешь! — Стиль был знаком с площадной бранью. — Я не верю ни одному слову. Мне плавать, вернешься ты или нет. Мама права, грош тебе цена. Карол Эми есть нечего и Робби тоже, мама колотила ночь плачет и все!

Вдруг Стиль зарыдался. В первый раз за всю эту долгую ною мальчик не пытался даже сдержать слез. Он всхлипывал, стонал, точно от боли. Поль снова обнял его, сначала мальчик отшатнулся, но потом спрятал лицо на широкой отцовской руке. Никогда еше не чувствовал он себя таким несчастливым.

— Пойдем домой, отец! — услышал он собственный голос. — Пожалуйста! Мама тебя простит. Все ждуть тебе. Попробуй еще раз, отец. Надо давать больше, чем берешь... это же твои слезы!

Поль Браун крепче прижал Стиль к груди, чтобы мальчик не увидел его лица. Он бы и рад вернуться, но как взглянуть в глаза Майи Стиль права, асво что он говорит, — это пустые слова. Но человек носит в себе полчища маленьких врагов, они не пускают Поля домой. Мальчик, быть может, еше поверит в высокие и благородные идеалы, но Полю не удастся обмануть самого себя, одуреть Май. Ее не заставишь поверить в то, чего нет. Нельзя ему возвращаться.

— Пойдем домой, отец! — услышал он собственный голос. — Пожалуйста! Мама тебя простит. Все ждуть тебе. Попробуй еще раз, отец. Надо давать больше, чем берешь... это же твои слезы!

Поль Браун крепче прижал Стиль к груди, чтобы мальчик не увидел его лица. Он бы и рад вернуться, но как взглянуть в глаза Майи Стиль права, асво что он говорит, — это пустые слова. Но человек носит в себе полчища маленьких врагов, они не пускают Поля домой. Мальчик, быть может, еше поверит в высокие и благородные идеалы, но Полю не удастся обмануть самого себя, одуреть Май. Ее не заставишь поверить в то, чего нет. Нельзя ему возвращаться.

— Пойдем домой, отец! — услышал он собственный голос. — Пожалуйста! Мама тебя простит. Все ждуть тебе. Попробуй еще раз, отец. Надо давать больше, чем берешь... это же твои слезы!

— Небось, дуаешь, какой ты ловкий!

— «Ай да парень!» — передразнил Стиль отца и зажестею одной из своих редких улыбок.

Держась за руки, они шагали по утрениему Гарлеву. Раннее утро — лучшее время дня. Воздух чистый и свежий, и, хотя еще сплат, уже чувствуется скорое пробуждение.

Александр КУЛЕШОВ

Еще раз к детективу. При этих словах взгляд несколько обращается к полке, где на книжных корешках высились имена Эдгара Аллана По, Артура Конан Дойла, Жюль Верна, Агаты Кристи.

Если бы в книжных магазинах Запада были именно такие полки, они явились бы неким Новым ковчегом, который спас бы классиков приключенческого жанра от всемирного потопа грязной детективщины, заледеняющей книжные рынки капиталистического мира.

Иначе, как о потоке, тут говорить не приходится. Одна только «Черная серия», издаваемая во Франции под руководством Марселя Дюмаля с 1948 года (привеи она еще отсылается добротности, предлагает сегодня читателю по восемь книг в месяц). Сейчас общее число названий в серии приближается к сотне тысячам. Другая серия — «Маска», руководимая Альбером Пингасом, перевалила за тысячу. «Черная река» подошла и 500. Классическое парижское издательство «Пурс де ла Ситэ» в серии «Тайна» вынашивает шесть томов ежемесячно, издательство Лафонта в серии «Новые парижские тайны» — один том каждые два месяца. И все это еще без многочисленных подписок: «Шанхай», «Напряженные», «Тайна», «Ужас», «Преступление», «Огонь», «Действие». Цифры тарарах, разумеется, не меньше чем с шестью нулями. К примеру, книга француза Жана Бриса, рассказывающая о похождениях одного замечательного дуэлянта, выпущена в количестве 60 миллионов (!) экземпляров. А есть еще сотни журналов — «Детектив», «Эверн Кин», «Интершпик» и другие, это детективные комиксы и продолжения и т. д.

Основные поставщики этой литературы — США, Англия, Япония, Франция. Кто же автор?

Книжки современных классиков западного детектива — Жюль Верна или Агаты Кристи — известны в нашей стране. В своих лучших произведениях Сименон поднимается над чисто приключенческими сюжетами, порой достигает глубоких социальных обобщений. Перед его романы жестоко разбухают буржуазный мир, в котором живут и действуют его герои. Сименон написал две сотни романов, но едва ли не самый плодотворный европейский писатель нашего времени. Так сказать, по статусу да и по известности следуют после Агаты Кристи, пишущая в несколько армянской для сегодняшних западных «детективчиков» манере, строго в рамках жанра. И ее книги, обычно одна, но очень сложная тайна, сюжет развивается медленно, множество подпольных, все вымещается в самом конце. Однако произведения этих двух авторов буржуазно толкут в пресловутый «черных река», забыты в дальний угол книжного прилавка «черными сериями».

А на первом плане в случившемся, подвизывающемся, завышающем ноше — бесчисленные десятки шпионско-агентско-жесточеского Жюль Верна и Жана Бриса (развесистой колокольни густо поросли странички их романов из «русской жизни»), американца Картера Брауна (их местоимение в своих стихах: «Иава блондинка», «Результативная блондинка», «Блондинка в воде», «Вулканическая блондинка» — короче, «яичка блондинок» количеством 50 штук), печально известного англичанина Ива Флеминга, журналиста, банковского служащего, офицера разведки (его чи-

до — агент 007, Джеймс Бонд — стало в западном детективе, литературном и кинематографическом, таким явлением, которое иначе, чем «бодячество», не назвать; каждый роман Флеминга — «Из России с любовью», «Джеймс Бонд против доктора Но», «Голдфингер» и пр. — моральное награждение нелицей, смесь агитационности, сесса, сатиры, причем какой-то не замечает, что, арсиде чем вырваться из всех своих безаважных положений, Бонд без конца и глупейшим образом в них попадает: право, ни одна разведка в мире и дни не держала бы у себя на службе такого бабыля и рожеватя).

Недаль сказать, что, кроме Сименона и Кристи, все современные западные авторы, работающие в жанре детектива, — литературные бездарности. Скажем, американцу Джеймсу Хэдди Чейзу, написавшему более 60 остросюжетных романов («Нет орхидей для мисс Блендин», «Шошь орхидей», «Ева», «Героиня из Гонконга» и др.), нельзя отказать в мастерстве. Ряд его книг оракивоворили, и у него даже есть подражатели. Французский автор Антуан Доминик пишет уже несколько лет серию про «гориллу» — «Горилла и амазонка», «Горилла в холодовании», «Горилла без усов». Вышло более 40 романов этой «гориллады», а конца ей не видно.

Несколько особняком стоит Сент-Антуан, чьи романы (их более 80) выдержаны в лучших традициях французского жюльер, написаны отчаянным языком, полным каламбурами и тонких огуловизмов, что весьма затрудняет их перевод.

Интересно пишет японец Сейко Манумото («Яичная пинтула машина» — до 600 страниц в месяц), появившийся в 1963 году у себя на родине большую литературную премию.

Однако никакое мастерство не может даже у этих авторов облагородить, очеловечить тот материал, который лет в основу их многих книг, — кошмарные убийства, зрелища, доведенные до

садома, насилия. Они могут закрутить лхей сюжет, заробот своих героев на экватор и на Северный полюс, в древние времена и далекие будущие, на выки планеты и на океанское дно. Нестер Верна, герой «Новых парижских тайн» Лео Мале, действует, например, во всех округах французской столицы, для чего в книгу помещены карты со стрелками и подписями, объясняющими, что и где произошло (дакая преступная топография города), другие герои прилагают свои силы в «высшем свете», в спорте, на мурортах, на дхтах и в самолетах. Название постоянных, нечужоных из романы в романы героев должно уже эти как-то приврать внимание читателей, вызвать их симпатии (у Лео Мале, как уже говорилось, этого героя зовут Верна, у Сент-Антуан — Сент-Антуан же, у Бриса — Юбер де ла Бат, у Шьяра Кенти — ги Студзия и т. д.). Но столь же неизменным остается то, ради чего написаны эти книги, — все писано в человеке, преувеличенное до гигантских размеров, подурнутое со смысловым.

Не могу не упомянуть рекламу, помещенную в свое время в американском журнале «Риги» в преддверии рекомендуемой литературы: «Прочтите! «Очунный Бен Хотан», человеком, более бы широкот, солдат, шпион, акробат, нефтяной магнат и проведник! Волнующая повесть о карьере Бена Хотана, написанная Натом Фейшнером, 50 центов».

Здесь тот самый эталон «современного героя», который усиленно адаптируется в головы молодых на буржуазном Западе, причем далеко не маловажную роль в рекламе книжных заведений играют эти два слова — «50 центов». Такие книги, обычно незорго, имеют карманый формат и небольшой объем, обложка — яркая, блестящая, задерживающая взгляд хотя бы на мгновение, которого, впрочем, часто бывает достаточно, чтобы человек взял и пошпал книжечку, а там...

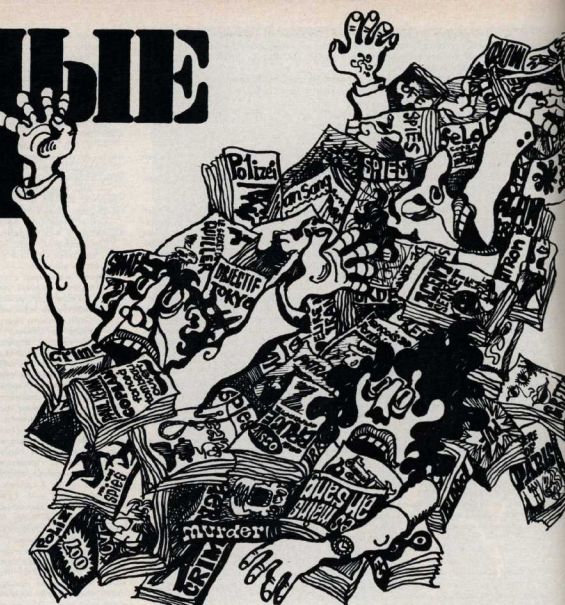

Рисунок Олега ЛАГШИНА

ПРИЁМ
СТЕКЛОТАРЫ

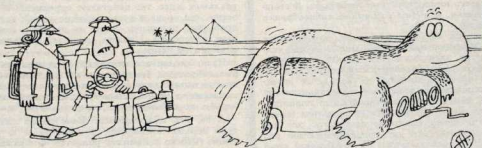
— А ЭТУ СНАЧАЛА ВЫМОЙТЕ!

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

2075

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

— ЭТИ ГИГАНТСКИЕ ЧЕРЕПАХИ СОВСЕМ ОБНАГЛЕЛИ

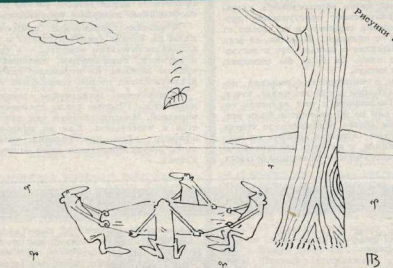
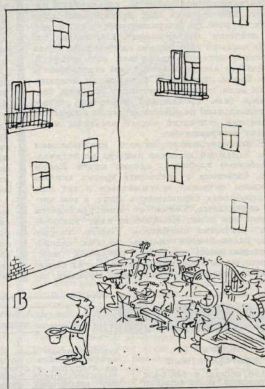

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

ВНИМАНИЮ
ЧИТАТЕЛЕЙ
«СМЕНЬ»

Олег повернулся и заметил нож, лежавший на краю стола. Рукоятка выглядывала из-под платка.

- Откуда здесь мой нож!
- Ваш!
- А то чей же! Мне подарил его парень из иностранной делегации.
- Этим ножом пытались убить Калугина.
- Почему ножом! Говорили же про ружье. Про несчастный случай.
- Из ружья Калугин был застрелен. А ножом его пытались убить вторично. Тот, кто думал, что Михаил Михайлович не умрет. Вам придется объяснить, как попал нож в руки убийцы.
- Что за компот! Калугина убили! И меня запутываете! Я вам ничего не обязан объяснять. Вы здесь такой же посторонний, как и я.
- Не горячитесь, Олег! — прервал Мазин. — Я

полагаю, в ваших собственных интересах объяснить, кто мог воспользоваться ножом.

- Олег всулил губы.
- Вы не разгрызаете меня! Неужели убий!
- Нож я никому не давал.
- Ножом открывал бутылки Валерий, — напомнил Мазин.
- Это врунда. Открыл и отдал.
- Хорошо помните!
- Разумеется. Я положил нож в карман.
- А дальше!
- Не помню. Увидел его у вас на столе.
- Постарайтесь вспомнить до приезда милиции.

Это отрывок из детективной повести Павла Шестанова «Отгуси в Дагестане», которую «Смена» начинает публиковать со следующего номера.

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Булажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 24/IX 1970 г. А 00159. Подписано к печ. 13/Х 1970 г. Формат бум. 70 х 108¹/₂. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1180 000 экз. Изд. № 2250. Заказ № 2785. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

СЧАСТЬЕ В БОРЬБЕ

Слова и музыка Людмилы ИВАНОВОЙ

Посвящается Николаю ОСТРОВСКОМУ

Над землей плывут облака,
Свежий ветер в деревьях шумит,
День за днем, день за днем пролетают века,
Жизнь одна — ты сумеешь прожить.

Припев:

Чтобы не было жаль, чтобы не было обидно,
Чтобы не было горько потом,
Чтобы не было больно, чтобы не было стыдно,
Чтобы вспомнил люди тебя добром!

Становись в пионеры ряды:
Первым трудно, но счастье в борьбе!
Человек, я желаю тебе доброты
И огня желаю тебе.

Припев.

Это очень ответственно — жить,
Да еще жить в двадцатый век!
Человеком, ты слышишь, ты должен быть,
Ты обязан быть, человек.

Припев:

Чтобы не было жаль, чтобы не было обидно,
Чтобы не было горько потом,
Чтобы не было больно, чтобы не было стыдно,
Чтобы вспомнил люди тебя добром!

Маршеобразно

Чтобы не было жаль, чтобы не было о...

...бидно, чтобы не было горько потом,

над земле - ю плывут об - ла - ка,

свежий ве - тер в де - ре - вях шум - ит,

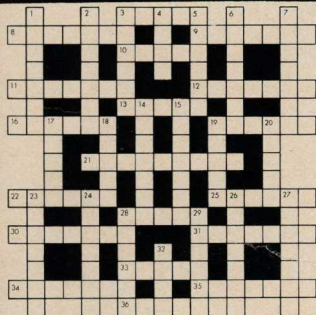
чтобы не было больно, чтобы не было

стыдно, чтобы вспомнил люди тебя доб-

день за днем, день за днем, проле - та - ют ве.

...рон! Ста - но - // ром!

...ка Жизнь одна - ты суме - ешь про - жить.

КРОССВОРД

Составил Ф. ЛОСЕВСКАЯ

По горизонтали:

3. Приток Ойя. 8. Порт в нижнем течении Енисея. 9. Валерия, лауреат Ленинской премии. 10. Русский живописец. 11. Социете деревенских растений. 12. Советский пианист и педагог. 13. Хозяйский инвентарь. 16. Основная форма бухгалтерской отчетности. 19. Синодическое положение. 21. Советский педагог и писатель. 22. Приток Пампиди. 25. Персонаж русских былин. 28. Немешин композитор XIX века. 30. Певца, народная артистка СССР. 31. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Чайка». 33. Австрийский композитор и дирижер. 34. Оды из первых советских гимн для крестьян. 35. Роман Жюль Верн. 36. Виноградный черенок.

По вертикали:

1. Трубчатая лямка, народная артистка СССР. 2. Областная центр в Узбекистане. 3. Бегемотский народный танец. 4. Роман Э. Золя. 5. Сюдалтар, народный художник СССР. 6. Народный духовой инструмент. 7. Грива. 14. Город на Кубани. 15. Братина И. И. Шибинина. 17. Советский писатель. 18. Вид ювелирной техники. 19. Персонаж оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста». 20. Металл. 23. Спортивные сань. 24. Медный духовой инструмент. 26. Демонстративный волеизъявление в старин. 27. Семья советских музыкальных деятелей. 28. Город в Черниговской области. 29. Пьеса А. М. Горького. 32. Баргана Т. И. Яблонской.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

7. Шенцова. 8. Волгана. 9. Вострун. 11. Вайгуня. 12. Болеро. 13. Трио. 17. Граб. 18. Публицистика. 19. Утежительный. 20. Слон. 22. Иорн. 25. Клубка. 27. «Морозовка». 29. Колетто. 31. Панаева. 32. «Детство».

По вертикали:

1. Семиня. 2. «Восток». 3. Бану. 4. Онда. 5. Алдигер. 6. «Калина». 10. «Провинциалка». 11. Ворсолобес. 14. «Шкату». 15. Оберен. 16. Сирень. 17. Гаваня. 21. Луконин. 23. Ростова. 24. Гаваня. 28. «Золото». 28. Кван. 30. Алда.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 19.

1.

2.

Обе линии абсолютно равны.

5

НА ДУХ
МЫШЦ
НИГ

1.

Прямоугольник разделить на шесть равных частей, чтобы сумма четырех чисел в каждой из них равнялась 20.

8	3	7	2	4	6
4	8	2	9	2	8
5	2	5	1	5	6
9	1	6	7	2	8

2.

Фигуру нарисуйте одной непрерывной линией без карандаша от бумаги.

ГОРОД И ХУДОЖНИК

Город и художник.
Как много зависит от их отношений...
Художник, влюбленный в город.
Художник маленького города,
где каждый знает тебя.
Но не каждому городу дано
найти своего художника.
И не каждому художнику — город.
Хачатуру Вардпаряну выпало счастье.
Он нашел свой город. Именно нашел,

«ВОЙНЫ ТРДАТ» — ПАННО РЕСТОРАНА «АНИ».

несмотря на то, что родился в нем.
Несмотря на то, что ушел
из него в юности.
Ушел учиться, искать...
Художественный институт в Ереване.
Курсы мультипликаторов в Москве.
Работа на киностудии,
потом в художественном комбинате.
Вот «амплитуда колебаний» художника:
от крохотных фаз мультипликата
до гигантских, монументальных панно
в оформлении столицы.
И все же Хачатур вернулся в Армению,
в родной Ленинакан.
Город обрел художника.

Александр ШПИКАЛОВ
Фото автора

ОФОРМЛЕНИЕ ДЕТСКОГО КИНОТЕАТРА
ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ.

ЛЕСТИНЦА И ФОНЕ КАФЕ «АНИ».

ДОСТРА И ИНТЕРЬЕР
ХИЖАЛНОЙ.

ЧЕКАНКА «МЕР» БО-
РЕТСЯ С БАРСОМ» ПО
МОТИВАМ ГЕРОИЧЕСКО-
ГО ЭПОСА «ДАВИД СА-
СУНСКИЙ».

AAAAAAAAAA

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820